

Библиотека „ТРОПИНКИ“
подъ редакціей П. СОЛОВЬЕВОЙ и Н. МАНАСЕИНОЙ.

С. С. КОНДУРУШКИНЪ.

ЗВОНАРЬ.

РАЗСКАЗЫ.

Рисунки и обложка Д. Митрохина.

ДЛЯ СТАРШАГО ВОЗРАСТА.

Мин. Нар. Просв. допущено въ ученическія бібліотеки высшихъ
начальныхъ училищъ.
Главн. Упр. военно-учебн. заведеній допущено въ ротныя бібліотеки
для I—III кл. кадетскихъ корпусовъ.

Издание Т-ва И. Д. Сытина.

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая улица, св. домъ.
МОСКВА.—1914.

З В О Н А Р Ъ

I.

Өедя — десятилѣтній мальчикъ.

Учится въ гимназіи и живетъ въ чужой семьѣ только первый годъ. И къ Пасхѣ успѣлъ до слезъ соскучиться по родному дому.

Уже на четвертой недѣлѣ Великаго поста дни стали казаться Өедѣ недѣлями; на пятой — мѣсяцами, а на шестой — цѣлыми годами.

Прошелъ первый годъ — понедѣльникъ, второй годъ — вторникъ, третій годъ — среда. На четвертый годъ — въ четвергъ — распустили гимназію. И Өедя до самаго вечера сидѣлъ на скамейкѣ около дома, ждалъ отца.

Отецъ долженъ пріѣхать вотъ по этой улицѣ изъ-за поворота. Сначала покажется голова Бураго, потомъ — дуга, сани низкія и широкія, наконецъ — отецъ въ шубѣ, немного сторбленный, съ небольшою бородой, въ мохнатой шапкѣ... Все это Өедя такъ хорошо зналъ, что стоило ему закрыть глаза, какъ онъ видѣлъ и лошадь, и дугу, и отца. Открывалъ глаза, и видѣніе пропадало.

Өедя игралъ съ мальчиками въ бабки, бѣгалъ на поворотъ улицы, гдѣ стоялъ полицейскій, смотрѣлъ на другую улицу... Все ждалъ и не хотѣлъ итти въ комнату. Нѣтъ и нѣтъ.

Къ вечеру измучился Өедя.

Вышелъ посидѣть на скамеечку въ старомъ мѣховомъ пальто дѣдушка Василій Игнатъевичъ.

— Ты что здѣсь сидишь, Өедя? Все отца ждешь?.. Иди, Надя тебя ждетъ чай пить. А ночью и отецъ твой приѣдетъ.

Василій Игнатъевичъ вдовецъ. Живетъ со своей дочкой Надей. Послѣ смерти жены, Надиной мамы, сразу постарѣлъ, службу бросилъ, сидѣлъ постоянно дома, читалъ газету или книжку, а по вечерамъ училъ съ Өедей и Надей уроки.

Надя съ Өедей однолѣтки. Имъ по десять лѣтъ. Но Надя въ домѣ хозяйка. У ней большая, тугая коса на спинѣ, ключи отъ шкаповъ. Она вынимаетъ изъ шкапа и даетъ Өедѣ конфетку, пряникъ.

Когда Өединъ отецъ привезъ Өедю въ городъ, то такъ и сказалъ Надѣ:

— Вотъ Вамъ, Надежда Васильевна, мой Өедя. Поберегите его.

Если Надя съ Өедей ссорились, то Өедя язвилъ и называлъ Надю хозяйкой, Надеждой Васильевной.

А у Нади для Өеди была дразнилка:

Өедя-бредя
Съѣлъ медвѣдя.
Упалъ въ яму,
Кричалъ маму:
Ма-а-а-ама!

Жить Өедѣ было хорошо: уютно, любовно, какъ въ родной семьѣ. Василій Игнатъевичъ его любилъ и ласкалъ,

какъ отецъ. Надя, сама ребенокъ, а о Оедѣ заботилась и была ему замѣсто старшей сестры. Они ссорились и мирились, ходили въ гимназію, учили вмѣстѣ уроки, мечтали.

II.

Василій Игнатьевичъ оказался пророкомъ. Оединъ отецъ пріѣхалъ ночью, часовъ въ десять, и говорилъ, что надо выѣхать изъ города раньше, потому что сосѣдняя балка налилась тающимъ снѣгомъ, того и гляди потечетъ и задержитъ въ городѣ на нѣсколько дней. А по морозцу проѣхать можно.

Василій Игнатьевичъ съ Оединымъ отцомъ пили чай, а Оедя съ Надеей собирали Оедины вещи. Оедя безъ умолку рассказывалъ Надѣ о мамѣ, о своемъ селѣ, братьяхъ, сестрахъ, о бабушкѣ, о Буромъ.

Бросили укладываться и побѣжали здороваться съ Буримъ.

Бурый жевалъ сѣно и покосился на дѣтей большимъ чернымъ глазомъ, фыркнулъ и тряхнулъ ушами. Дескать: „Здравствуй, гимназистъ! Поди, соскучился здѣсь?“

Оедя засмѣялся отъ радости и поцѣловалъ Бураго около глаза, гдѣ отъ жеванья поднимался и опускался какой-то шарикъ. Бурый мотнулъ головой и хапнулъ ртомъ новую пачку сѣна. Дескать: „Не привыкъ я къ такимъ нѣжностямъ, да и ѣсть хочу досмерти“.

— Бурый, онъ умный! — убѣждалъ Оедя. — Онъ такой умный, все понимаетъ, вотъ только говорить не умѣетъ. А еще у насъ есть Валетка, вотъ тоже умный! Смѣется и мертвымъ притворяется умѣетъ. А еще котъ большой, Гурма... Гурма, тотъ ужъ совсѣмъ умный. Его даже Валетка боится...

И опять Оедя безъ конца рассказывалъ Надѣ о своемъ домѣ.

Надя помогала укладывать Оедѣ книги и бѣлье и завидовала, что у него будетъ такая веселая Пасха. Ей стало досадно, что противный Оедюкъ — такой веселый и все рассказываетъ только о себѣ, да о своемъ домѣ. Она встала, бросила книжку на столъ и, прищурившись на Оедю, сказала:

— Некогда мнѣ тутъ болтать съ тобой. Нужно по хозяйству.

Надя обидѣлась — это ясно. Оедя бросилъ на полъ бѣлье и побѣжалъ за Надей.

— Надя, Надя! Голубушка, душенька! Ты сердишься, Надя? За что? А ты не сердись, Надя, миленькая...

Надя посмотрѣла на разгорѣвшееся Оедино лицо, съ умоляющими глазами, и ей стало радостно, весело и смѣшно. Она засмѣялась до слезъ и крѣпко сжала Оедину руку.

— Да я не сержусь, право не сержусь, глупенькій... Пойдемъ укладываться.

Дѣти снова укладывали вещи. Болтали.

— Хорошо бываетъ на Пасху ночью, — мечтала вслухъ Надя. — Тихо на улицахъ. Всѣ сидятъ и ждутъ. И вдругъ: бом-м-мъ.

— Бомъ, бомъ, бомъ! — радостно подхватилъ Оедя.

— И знаешь, Оеденька, ударить такъ, точно съ неба упадетъ: бом-м-мъ! И всѣ зашевелиятся. Кто спалъ — проснется, кто сидѣлъ — встанетъ... Даже Мурка наша проснется и давай умываться лапкой. Весело такъ, хорошо. Всѣмъ скажетъ колоколь, всѣмъ, всѣмъ... Бом-м-мъ!

Оедя, надувая красныя щеки, гудѣлъ передъ Надей:

— Бом-мъ, бом-мъ!

— Хорошо бы, Оедя... Вотъ бы хорошо!..

— Что хорошо?

— Хорошо бы!.. ударить... Знаешь, первый разъ ударить въ колоколь... Чтобы всѣ услышали!.. Весь городъ спить. На Волгѣ и за Волгой тихо, тихо. А ты стоишь на колокольнѣ и смотришь кругомъ. Всѣ ждутъ, а ты стоишь и за языкъ колокола держишься... Ахъ, Оедя! Понимаешь, какъ это хорошо!.. Люди внизу ждутъ, а ты — наверху, около звѣздъ, держишься за колокольный языкъ. И вдругъ: бом-м-мъ! Всѣ вскочатъ, всѣ обрадуются. Оеденька, вотъ хорошо бы ударить! Да нѣтъ, гдѣ ужъ...

— Надя! Я могу. Милая, я ударю!

— Гдѣ тебѣ...—не повѣрила Надя.

— Ударю, ей-Богу ударю! Первый ударю!.. У насъ въ селѣ сторожъ церковный, Родивонъ. Онъ меня возьметъ, и я ударю.

— Какъ хорошо, Оедя!.. Только я не услышу,—опечалилась Надя.—Отъ васъ далеко до насъ...

— А ты, Наденька, ухомъ къ землѣ. Вотъ и услышишь. Черезъ землю далеко слышно, за сто верстъ слышно... Я ударю, я ударю!

Надя съ Оедей взяли за руки и кружились около раскрытаго чемодана съ Оединымъ бѣльемъ и звонили вмѣстѣ:

— Бом-мъ, бом-мъ, бом-мъ!

Оедя таращилъ глаза и надувалъ щеки, думалъ, что звонить басомъ. А Надинъ голосъ тянулся ровный и звонкій, какъ нѣжная струна.

Потомъ Оедя трезвонилъ надъ головой невидимыми маленькими колоколами.

— Тилимъ-бомъ, тилимъ-бомъ, тилимъ-бомъ.

— Бом-мъ, бом-мъ, бом-мъ! — вторила тягучими, важными ударами Надя.

III.

Рано утромъ Оедю соннаго посадили въ сани.

Поѣхали. Улицы города пустыньны и звонки. Чистый, холодный воздухъ и шуршанье ледяшекъ подъ полозьями разбудили Оедю. И пробужденіе это было радостное, счастливое.

Домой, домой!

Тутъ только вспомнилъ Оедя, какъ его одѣвалъ Василій Игнатъевичъ, какъ встала и прощалась съ нимъ Надя и шепнула на ухо:

— Такъ ударь, Оедя, зазвони! Слышишь!..

— Милая Надя! — думалъ Оедя. — Да, да, я ударю, я зазвоню!

На минуту ему стало грустно, что нѣтъ Нади, что онъ прощался съ ней сонный. Но это только на минуту. Очень радостно было, и никакая печаль не могла завладѣть душой.

Выѣхали за городъ. Хруститъ подмороженная дорога. Весело фырчить Бурый. На востокъ кто-то большой кистью проводитъ зеленая, синія, розовыя полосы. Уже чирикаетъ невидимая ранняя птичка. А изъ города вдогонку несется неторопливый постный звонъ.

— Я ударю, Надя! Ударю, милая! Я зазвоню, — говорить Оедино сердце и радостно бьется.

Съ восходомъ солнца стало еще веселѣе. Дорога сразу обмякла. Подъ ледяными стеклами забуровили ручейки.

Подулъ теплый вешнякъ, и деревья радостно замотали талыми вѣтвями.

На перелѣскѣ, около дороги, осѣла стая грачей. Они только-что прилетѣли изъ теплой страны, еще не успѣли размѣститься, бранились и дрались изъ-за прошлогоднихъ гнѣздъ.

Грачи привели Оедю въ восторгъ. „Весна, весна!“ кричалъ онъ, каркалъ по-грачиному и махалъ руками, точно крыльями. Спрыгнулъ съ саней и бѣжалъ вмѣстѣ съ Бурымъ. Отбѣгалъ въ сторону и съ разбѣгу кидался въ сани. Отецъ любовно ворчалъ на Оедю, боялся, какъ бы онъ не провалился въ яму съ талымъ снѣгомъ.

И Оедѣ казалось, что все кругомъ звенить тихимъ, радостнымъ звономъ. Вѣтерокъ звенить, земля звенить, голубое небо звенить, и въ душѣ у него такъ радостно, хорошо звенить Надинъ голосъ:

— Бом-мъ, бом-мъ!

Но все теперь звенить пока тихо. А вотъ, когда Оедя ударить въ Пасхальную ночь первый разъ въ большой колоколь, тогда громко зазвенить вся земля, загудитъ небо, проснутся лѣса и рѣки, поля и балки, загудятъ Оедѣ хвалу:

— Оедя, спасибо тебѣ, ты зазвонилъ. Ты разбудилъ насъ отъ зимняго сна.

Заструился свѣтлый паръ надъ землею. Изъ-подъ снѣга темными пятнами проступила мокрая земля. Недалеко отъ дороги большой холмъ, весь черный и на верхушкѣ сухой. Оедя побѣжалъ туда.

Отъ холма поднимался густой паръ, будто онъ въ срединѣ горѣлъ и весь дымился. На солнечной сторонѣ пробилась и зазеленѣла травка, и—о, радость! появился бѣ-

лый подснежникъ. Одея посмотрѣлъ на сани. Отецъ не видитъ. Быстро нагнулся, оперся руками въ жирную землю и поцѣловалъ бѣлый цвѣтокъ... Какъ онъ любилъ этотъ маленькій, нѣжный цвѣтокъ и зеленую траву! Какъ радъ былъ онъ солнцу, синему небу, маленькой птичкѣ, которая летала съ былки на былку и чирикала весеннюю пѣсню.

IV.

Дома Одея и оглянуться не успѣлъ, какъ пришла Пасха. Дома надо было осмотрѣть каждый уголокъ: сходить къ Бурому въ конюшню, къ коровамъ и овцамъ въ хлѣвъ, въ курникъ къ курамъ. Надо заглянуть и въ амбаръ, и на огородъ, сбѣгать на рѣчку, къ знакомому сапожнику, къ товарищу Митькѣ—мало ли дѣла!

Всюду Одея провожалъ Валетка. Раньше этого Валетка никогда не дѣлалъ. Онъ ходилъ только съ Оединымъ отцомъ, съ матерью. Оедей пренебрегалъ. А теперь Одея—гимназистъ, гость изъ города! Валетка бросилъ свою важность и, почтительно помахивая хвостомъ, слѣдовалъ за Оедей и въ амбаръ, и въ курникъ, и въ хлѣвъ.

Коровы пялили на Оедины свѣтлыя пуговицы выпуклые глаза и отъ изумленія прочищали языкомъ ноздри. Овцы испуганно топали ногами и шарахались въ кучу. Валетка звонко позѣвывалъ, отворачивался и лѣниво рассуждалъ хвостомъ:

— Чего, Одея, смотрѣть на нихъ: невѣжественныя овцы... Мужичье... Навозъ. Пойдемъ лучше на рѣку.

Бѣжали на рѣку. Рѣчущка потрескалась и вздулась. Вотъ-вотъ тронется. По ней ужъ никто не ходитъ и не

вздить. Берега обсохли. На нихъ по вечерамъ сидятъ парни, дѣвки, старики. Ждутъ полой воды.

Но между всѣми этими дѣлами и заботами Оедя не забывалъ Родивона звонаря. Съ нимъ онъ цѣлую недѣлю ведетъ переговоры:

— Только одинъ первый разъ ударю, Родивонъ! Одинъ разъ я, а потомъ ты...

Родивонъ мужикъ на видѣ мрачный, скуластый, сухощавый. Борода у него рѣдкая и жесткая, какъ лошадиный хвостъ. Лицо всегда покрыто темными веснушками, будто вымазано черной зернистой икрой. Онъ не отказывалъ Оедѣ, но ни разу и не сказалъ, что согласенъ.

Такъ тянулось до самой страстной субботы. Нетерпѣніе Оедино возросло до крайности. Онъ и во снѣ и наяву слышалъ Надинъ голосъ:

— Ахъ, хорошо бы, Оедя, зазвонить!

И въ ухахъ у Оеди все время былъ какой-то звонъ. Звенѣлъ вечеръ, звенѣло утро. Цѣлый день звенѣло солнышко, звенѣла рѣка. Точно первый разъ въ своей жизни онъ встрѣчалъ весну, — такъ все хорошо, радостно и звонко было на душѣ.

Только вотъ Родивонъ безпокоилъ.

Наконецъ Оедя рѣшился на послѣднее средство. У лавочника, Кузьмы Иваныча, купилъ восьмушку волокнистаго табаку и пошелъ къ Родивону.

Но въ страстную субботу переговорить съ Родивономъ было трудно. Онъ цѣлый день занятъ въ церкви, у священника въ домѣ. Куда-то вѣздилъ, ходилъ и только къ вечеру пришелъ въ свою сторожку, сѣлъ на желтую, сырую послѣ мытья лавку, свернулъ и закурилъ цыгарку, пуская дымъ сквозь жесткіе усы.

Вотъ тутъ-то и настигъ его Оедя.

— Родивонъ... Вотъ я тебѣ... на праздникъ табачку купилъ...

Оедя положилъ восьмушку на столъ и густо покраснѣлъ.

— Это хорошій табакъ, Родивонъ, асмоловскій волокнистый...

Подъ темными веснушками Родивоново лицо затеплилось лаской.

— Такъ вотъ, Родивонъ, ты на Пасху и покури, душистаго табачку, асмоловскаго... А махорка вонючая... Покуришь, Родивонъ? А?

— Ну, ладно ужъ, ладно... — сказалъ, наконецъ, Родивонъ.

— Можно, Родивонъ, да?

— Можно.

Оедя ликовалъ. Залѣзъ къ Родивону на колѣни и цѣловалъ его въ жесткую бороду.

— Ты погоди, рано еще христосоваться-то, — шутилъ Родивонъ.

— Какъ же мнѣ, Родивонъ, съ тобой на колокольню попасть?

— Ты ночь-то ужъ не спи.

— Нѣтъ, Родивонъ, какой тутъ сонъ!

— Такъ вотъ и приходи сюда около полночи. Вмѣстѣ и пойдёмъ.

V.

Сильно билось Оедино сердце, когда онъ поднимался съ Родивономъ по крутой лѣстницѣ на колокольню. Сдѣлали два поворота—площадка. Они уже вровень съ кры-

шами домовъ. И свѣтлѣе стало. Еще два поворота—опять площадка.

Родивонъ идетъ молча и только изрѣдка творить молитву.

— Господи, помилуй, Господи, помилуй!

Өедъ жутко смотрѣтъ въ темные углы колокольни. Завозится и закурлычетъ спросонья въ гнѣздѣ голубь—Өедя такъ и вздрогнетъ.

— Родивонъ, подожди минутку!..

Чѣмъ выше поднимались, тѣмъ шире и звонче становилось у Өеди на сердцѣ. Родивонъ вылѣзъ на площадку. Вотъ и Өедя выглянулъ.

Посреди верхней площадки на толстомъ крестѣ изъ бревенъ висѣлъ тяжелый призывный колоколъ. А вокругъ него по оконнымъ пролетамъ развѣшаны другіе колокола поменьше.

Такъ вотъ онъ какой большой колоколъ, этотъ Божій гласъ! А снизу, съ улицы, онъ видится совсѣмъ маленькимъ. Одутлые, засиженные голубями, бока, тяжелый языкъ съ веревкой... Дотронулся Өедя пальцемъ до толстаго края,—по всему колоколу побѣжалъ шопоткомъ тихій звонъ.

Жутко и сладостно.

Родивонъ облокотился на подоконникъ и смотритъ на село.

Длинными рядами расползлись по снѣгу черные дома, мигаютъ красными глазами-окнами. Өедъ кажется, что всѣ дома смотрятъ на колокольню, на Өедю, и ждутъ.

Шуршитъ льдинами рѣка. Ворочается подо льдомъ, поднимается, выпираетъ наверхъ, на берега, тяжелыя льдины. Вотъ-вотъ тронется и потечетъ. Но и рѣка ждетъ, когда Өедя ударитъ.

Вокругъ колокольни носится, вьется звонкій шорохъ. Будто кто шепчется, цѣлуется, летаетъ вокругъ. Это ангелы летаютъ у крестовъ, въ окнахъ надъ головами Родивона и Ѳеди, надъ колоколами. Дотронется ангелъ крылышкомъ до колокола,—зазвенитъ колоколъ ласковымъ шопоткомъ.

Ждутъ всѣ люди, ждутъ поля, лѣса, ждетъ Надя... Ѳедя, скоро ли ты ударишь?

А у Ѳеди отъ нетерпѣнья дрожь по всему тѣлу идетъ.

— Скоро ли, Родивонъ?—шепчетъ Ѳедя.

— Надо вдарить!—говоритъ Родивонъ.—Вонъ батюшка лампу на окошко поставилъ. У насъ съ имъ уговоръ: когда онъ лампу на окошко поставитъ, значить—пора.

Радостно задрожало Ѳедино сердце. Обвилось холодкомъ. Родивонъ снялъ шапку, перекрестился трижды и сказалъ: „Господи, благослови!“

— Ну, звонарь, звони!—шутить Родивонъ.

Ѳедя взялся за веревку и началъ раскачивать языкъ. Сначала трудно было: языкъ тяжелый, неповоротливый. А потомъ раскачался—не остановить. Вотъ ужъ до краевъ долетаетъ.

— Надя! Слышишь ли, милая Надя?..

И вдругъ:

Бом-м-м-мъ!..

Ѳедя выпустилъ веревку и упалъ на полъ отъ неожиданности. Такой большой, могучій и оглушительный родился звукъ.

Разломилась пополамъ тишина. Загудѣло все село. Зазвенѣло поле, гулко зазвучалъ далекій лѣсъ. Все радостно задрожало, зацѣло, заговорило:

— Ѳедя, спасибо тебѣ, ты ударилъ! Ты разбудилъ!

А Родивонъ подхватилъ веревку и началъ звонить часто, радостно:

Бомъ, бомъ, бомъ, бомъ.

Въ восторгѣ мальчикъ вскочилъ и упалъ грудью на подоконникъ.

Задвигались въ селѣ огоньки. Кое-гдѣ по улицамъ показались черные комочки. Это—люди.

А подъ небомъ гудѣло. Колокольные удары неслись въ далекое поле. Оедѣ казалось, что они походятъ на быстрыхъ, бѣлыхъ коней. Кони эти несутся по деревнѣ, по полямъ, по лѣсамъ, скачутъ во всѣ стороны, машутъ бѣлыми гривами.

И все отзывается на гулкѣй бѣгъ. Все звенитъ, радостно ликуетъ и кричитъ:

— Спасибо тебѣ, Оедя, ты зазвонилъ!

— Надя, Надя, милая! Слышишь ли, Наденька?—пѣло Оедино сердце.

Оедя почувствовалъ, будто кто-то невидимый, упругій щупаетъ его со всѣхъ сторонъ, бѣгаетъ по всему тѣлу. Стало жутко и страшно.

— Родивонъ, Родивонъ!—хочетъ закричать Оедя. Разѣвываетъ ротъ, кричитъ, а голоса не слышно.

Стало еще страшнѣе. Куда пропалъ голосъ?

А невидимый все щупаетъ, бѣгаетъ пальцами по тѣлу, мягко толкаетъ при каждомъ ударѣ колокола.

— Родивонъ!..

Ничего не слышно. Оедя подходитъ къ Родивону. Родивонъ ласково обнимаетъ его свободной рукой, разѣвываетъ ротъ. Что-то говоритъ, но тоже ничего не слышно. Улыбается.

Өедя поняль, что голоса нѣтъ отъ звона. Щупаетъ и толкаетъ тоже звонъ. Онъ подошелъ къ другому окошку и, счастливый, радостный, началъ смотрѣть внизъ.

Вмѣстѣ со звономъ тронулась и потекла рѣка. Торжественно поплыли мимо церкви бѣлыя горы снѣга, тяжелыя льдины. Тянулись безъ конца и уносили съ собой въ ночную даль радостные звуки.

Бомъ, бомъ, бомъ!

Пѣла земля. Звонило небо. Скакали во всѣ стороны міра бѣлые кони, махали бѣлыми гривами и радостно, звонко ржали:

Бомъ, бомъ, бомъ!

„Надя, милая! Слышишь ли?“ думалъ Өедя.

VI.

Тихо ждали полночи въ городкѣ, въ домѣ Василя Игнатъевича. Самъ онъ въ очкахъ читалъ какую-то книгу. А Надя примѣряла новое платье, ходила по комнатамъ и наводила вездѣ окончательный порядокъ. Сорветъ сухой листокъ съ герани, поставитъ въ рядъ непослушный стулъ, обдернетъ занавѣску... И все думала о Өедѣ.

Къ полночи прилегла на кровать и незамѣтно заснула.

Василій Игнатъевичъ читалъ молча книгу. Иногда усталые глаза поднимались поверхъ очковъ, переходили отъ книги на ликъ Богоматери, освѣщенный лампадой, и наполнялись тихими слезами.

Снова опускались на очки и медленно, вдумчиво ходили по чернымъ строкамъ священной книги.

Въ кухнѣ тоже тихо. Видно, и кухарка Агаеья задремала въ ожиданіи.

Спитъ на стулѣ кошка Мурка. Розовѣтъ и улыбается во снѣ Надино личико.

Вдругъ Надя вскочила и радостно закричала:

— Папа! Оедя ударилъ! Я слышала...

Въ это время надъ городомъ гулко прокатился первый ударъ соборнаго колокола.

Бом-м-мъ!

— Оедя раньше ударилъ, папа, — радостно кричитъ Надя. — Я слышала! Оедя зазвонилъ!..

— Ну, успокойся, милая дѣточка, успокойся! Во снѣ это было, — говоритъ Василій Игнатьевичъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, папа! Не во снѣ! Я слышала, Оедя ударилъ!

Пѣло и звонило Надино сердце. Шелестѣло новое платье. Проснулась Мурка и радостно мурлыкала около ногъ.

Ударилъ, зазвонилъ! Бомъ! — пѣло у Нади, все тѣло становилось легкимъ и готово было летать, летать.

Весело собирались въ церковь.

VII.

Родивонъ звонилъ. Потомъ трезвонилъ. Вокругъ церкви ходили со свѣчами. Сверху казалось, что въ огненномъ озерѣ плаваютъ темные люди и поютъ:

— Воскресеніе Твое, Христе Спасе, ангели поютъ на небесѣхъ...

Ангелы пѣли, летали вокругъ колокольни, задѣвали крылышками за колокола. И колокола отвѣчали имъ звучнымъ привѣтнымъ шопотомъ.

Шуршали льдины и плавно проходили между звонкихъ береговъ.

А бѣлые кони, разметавъ гривы, все еще скакали по землѣ, и долго подъ небомъ раздавался затихающій гулъ копытъ.

Въ церкви ярко горѣли свѣчи. Ласково смотрѣли на Оедю свѣтлые лики святыхъ и людскіе глаза. Всѣ любовно христосовались съ нимъ и благодарно цѣловали.

— Христось воскресе, Оедя! Спасибо тебѣ, ты зазвонилъ, ты разбудилъ.

Утромъ съ великою любовью поднималось надъ воскресшей землей солнце и долго радостно играло на горизонтѣ.

И цѣлую недѣлю пѣло Оедино сердце. Ликовала, ласкала и благодарила вся природа. Поднималась выше и выше рѣка и несла на своей спинѣ бѣлыя кучи снѣга. Синѣло небо. Зеленѣла травка. Слетались птицы и весело кричали, щебетали, стрекотали, порхали въ саду.

А Оедино сердце радовалось. Онъ ударилъ, онъ разбудилъ всѣхъ.

Съ большимъ волненіемъ подъѣзжалъ Оедя въ городъ къ Надиному дому. Слыхала ли Надя? Ждетъ ли?

У калитки виднѣется розовое платье. Надя. Увидѣла. Бѣжить, смѣется, кричитъ, машетъ руками:

— Оедя, я слышала. Ты ударилъ...

Оедя говорилъ съ радостной гордостью и важностью:

— Да, я ударилъ!

А самому такъ и хочется на одной ногѣ запрыгать.

Остановилась лошадь. Надя вскочила въ тарантасъ.

— Христось воскресе, Оедя... Я слышала! Въ самую полночь ты зазвонилъ: Бомъ!

Радостно звонили оба маленькихъ сердца одинаковымъ звономъ.

ДВА МИНАРЕТА

I.

Ахмадь Карнь считался лучшим строителемъ въ Дамаскѣ. Если кто не хотѣлъ скупиться на расходы и желалъ построить себѣ домъ удобный и красивый, тотъ долженъ былъ пригласить непременно Ахмада Карна. А ужъ Ахмадь Карнь не промахнется: построить—какъ изъ желѣза выльетъ. Онъ и комнаты распредѣлитъ такъ, что лучше нельзя ихъ распредѣлить, хоть думай въ теченіе цѣлаго поста Рамазана; онъ и окна устроитъ тамъ, гдѣ они нужны; онъ и лунки для деревьевъ и цвѣтовъ сдѣлаетъ въ такомъ мѣстѣ, гдѣ это выйдетъ наиболѣе красиво; онъ и гаремъ отъ мужской половины отдѣлитъ такъ,

что будетъ удобно и мужу, и женамъ, и хозяевамъ, и гостямъ. А это много значить...

Правда или нѣтъ, но говорятъ, что въ домахъ, построенныхъ Ахмадомъ Карномъ, люди живутъ счастливѣе другихъ, даже быстрѣе, чѣмъ другіе, богатѣютъ.

Несомнѣнно, Ахмадъ Карнъ пользовался славой не даромъ.

Но особенно онъ былъ искусенъ въ постройкѣ минаретовъ. Тутъ съ Ахмадомъ Карномъ уже никто спорить не пытался. Было извѣстно всѣмъ въ Дамаскѣ, даже малымъ дѣтямъ, что лучше Ахмада Карна не можетъ построить минаретъ никто въ цѣлой Сиріи, а, можетъ-быть, и во всемъ правовѣрномъ мірѣ. Минаретъ, построенный Ахмадомъ, стоялъ прямой и стройный какъ тополь, Почему изъ-подъ его рукъ минаретъ выросалъ такъ непостижимо красивъ и проченъ—никому небыло извѣстно. Можетъ быть, Ахмадъ Карнъ зналъ какой-нибудь секретъ? Неизвѣстно.

Минареты другихъ строителей какъ будто походили на его минареты. Но всмотришься,—не то, совсѣмъ не то. Тотъ, другой минаретъ, будто и тонокъ и строенъ, да чего-то въ немъ не хватаетъ: и перила не на мѣстѣ, и крыша некрасиво наклонена, и полумѣсяцъ загнулся будто не въ ту сторону... А минаретъ Ахмада Карна стоитъ передъ глазами зрителя, точно выточенный изъ одного камня. И все-то въ немъ красиво: и крыша, и перила, и бока, и даже отверстіе въ круглой стѣнѣ сдѣлано умѣстно и красиво. И чѣмъ больше всматриваться въ два минарета, — его и не его работы, — тѣмъ яснѣе становится, что Ахмадъ Карнъ владѣетъ особымъ даромъ строительства.

Работаетъ онъ, какъ и всѣ работаютъ: возьметъ линейку, отвѣсъ, скребокъ для извести и кладетъ камень за камень. Положитъ нѣсколько рядовъ, прочитаетъ главу изъ Корана, сойдетъ внизъ, взглянетъ на свою работу, и снова наверхъ. И такъ до самаго конца постройки.

Положимъ, онъ каждый камень осмотритъ со всѣхъ сторонъ. Если камень ему не понравится, онъ отдаетъ рабочимъ обтесать его снова. Но кто же мѣшаетъ и другому строителю осматривать каждый камень, спускаться внизъ и читать Коранъ?..

Очевидно, дѣло не въ этомъ.

Ахмадъ Карнъ гордился своею славой и принималъ общій почетъ и уваженіе, какъ должное. Одно его сокрушало—не было у него сына, которому онъ могъ бы передать свое дивное искусство. Поэтому, когда родные и знакомые спрашивали его, кого онъ приготовилъ себѣ въ преемники, Ахмадъ отвѣчалъ съ печалью:

— Прославленный и величайшій Богъ знаетъ, что дѣлаетъ. Были строители до меня, будутъ и послѣ меня. Богъ всемогущъ!..

Конечно, у Ахмада Карна всегда было нѣсколько человекъ работниковъ. Всѣ они получали отъ него деньги, работали по его указаніямъ, но никого изъ нихъ Ахмадъ не хотѣлъ научить своему искусству въ совершенствѣ. Не хотѣлъ онъ, чтобы кто-либо впоследствии могъ сказать: „Вотъ, я работаю, какъ Ахмадъ Карнъ!“ Тяжела была для него такая мысль. Будь это его сынъ,—другое дѣло. О, онъ вложилъ бы въ него все свое умѣнье, всю свою любовь къ важнѣйшему искусству жизни—искусству строительства.

Ахмадъ Карнъ говариваль, что человекѣку для полнаго его покоя и блаженства на землѣ, нужны три вещи: сознаніе Бога, здоровое тѣло и удобное жилище. Развивать въ людяхъ сознаніе Бога должны шейхи ислама; здоровое тѣло дасть Богъ человекѣку праведному, а удобное жилище Аллахъ научилъ строить его, Ахмада Карна.

Итакъ, сына онъ сдѣлалъ бы своимъ преемникомъ, но кого-либо другого—нѣтъ, пусть лучше умретъ вмѣстѣ съ нимъ его искусство.

Былъ у Ахмада Карна работникъ, по имени Рашидъ, круглый сирота. Работалъ онъ у него съ пятнадцати лѣтъ, а теперь ему уже цѣлыхъ тридцать. Работникъ онъ хорошій, смѣтливый, всегда исправный. Росту онъ высокаго, широкъ въ плечахъ, мускулистъ и строенъ, только шею отъ частаго нагибанія держитъ, какъ и Ахмадъ Карнъ, немного внизъ. Смотритъ онъ исподлобья, но черные глаза его свѣтятся и, кажется, все видятъ. Ахмадъ Карнъ уважалъ его и цѣнилъ за смѣтливость и расторопность, но не любилъ. Почему не любилъ—этого онъ не могъ бы объяснить не только людямъ, даже себѣ. Такъ, не лежитъ сердце, да и только. Рашидъ честный работникъ, исполнительный, но на душѣ у него всегда есть нѣчто про запасъ, что онъ таитъ отъ всѣхъ людей, даже самыхъ близкихъ.

Это „нѣчто“ Ахмаду Карну всегда казалось враждебнымъ. Ну, почему бы Рашиду не смотрѣть на него, Ахмада, довѣрчивымъ открытымъ взглядомъ! Вѣдь онъ работаетъ у Ахмада Карна пятнадцать лѣтъ, живетъ въ его домѣ. Иной на его мѣстѣ сдѣлался бы Ахмаду Карну сыномъ и заставилъ себя полюбить, какъ родного. А онъ—нѣтъ. И привязанъ какъ будто, а все во взглядѣ у него есть что-то чужое.

Почему же Ахмадъ его до сихъ поръ не уволилъ, не отказалъ отъ дома? Да такъ, не за что было. Рашидъ всегда и во всемъ былъ исправенъ. А Ахмадъ Карнъ былъ справедливъ, какъ истинный мусульманинъ, и никогда бы не позволилъ себѣ обидѣть безъ вины своего единовѣрца. О, Аллахъ всевѣдущъ, Аллахъ всемогущъ! Аллахъ все знаетъ, даже наши тайныя помышленія, и никто не избѣжитъ его справедливаго гнѣва... Притомъ Рашидъ былъ ему весьма выгоднымъ помощникомъ.

II.

Есть въ Дамаскѣ старинная мечеть. Стоитъ она на самомъ краю вѣчнаго города и издали красуется круглыми крышами своихъ многочисленныхъ построекъ. Мечеть такъ обширна, что въ ней можетъ, на случай нужды, помѣститься нѣсколько тысячъ человѣкъ со своимъ имуществомъ и вьючными животными.

Все въ этой мечети и доселѣ было прочно и красиво, только два минарета пришли въ ветхость и грозили паденіемъ.

Собрались старѣйшины города въ мечеть на совѣтъ, помолились, потолковали, собрали денегъ и рѣшили старые минареты разрушить и построить новые, которые могли бы снова украсить древнее зданіе.

Кому же поручить это дѣло? Всѣ въ одинъ голосъ назвали Ахмада Карна.

— Конечно, Ахмадъ Карнъ! Развѣ можетъ кто-нибудь построить лучше Ахмада Карна.

Позвали Ахмада Карна. Вошелъ онъ въ обширный дворъ мечети, какъ и всегда, гордый своимъ искусствомъ,

сознающій свою силу. Онъ почтительно, но съ достоинствомъ, привѣтствовалъ собраніе и освѣдомился, зачѣмъ его позвали, будто и не подозрѣвалъ ничего. Тогда одинъ изъ шейховъ откашлялся, погладилъ свою сѣдую бороду и съ разстановкой сказалъ:

— Мы собрались здѣсь и во славу величайшаго Бога и его пророка Мухаммада,—да будетъ Господь къ нему благосклоннымъ и да хранить его,—порѣшили построить два новыхъ минарета надъ этой славной мечетью. Для сей цѣли положили мы пригласить строителя искуснаго, который могъ бы возстановить обветшавшую постройку въ прежнемъ, а если можно, и лучшемъ видѣ. Мы знаемъ, что ты можешь это сдѣлать, и согласились передать работу тебѣ...

Ахмадъ Карнъ для особой торжественности счелъ долгомъ сначала отказаться.

— Благородные шейхи! Великую честь оказали вы мнѣ, но я становлюсь уже старъ и не надѣюсь на свои силы, какъ раньше. Найдите кого-либо другого, который могъ бы своимъ искусствомъ продолжить славу старинныхъ строителей... А я полюбовался бы его работой...

И по губамъ его заиграла тонкая усмѣшка. Собраніе заволновалось. Всѣ начали упрашивать Ахмада не отказываться, взять работу и на цѣлые вѣка прославить свое имя.

Понятно, Ахмадъ согласился. Сговорились о цѣнѣ, попили кофе, помолились и разошлись по домамъ.

Весь городъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ начала постройки. Каковы-то будутъ новые минареты, какъ отличится Ахмадъ Карнъ?

Но долго еще на верблюдахъ, мулахъ и ослахъ возили къ мечети куски чернаго и бѣлаго камня. Долго разламы-

вали и расчищали мѣста двухъ старыхъ минаретовъ. Рабочіе долго тесали камни и отдыхали на берегу рѣки Барады въ знойный дамасскій полдень...

Наконецъ, приступилъ къ работѣ Ахмадъ Карнъ. Онъ озабоченно клалъ камень за камнемъ, примѣривалъ линейкою и отвѣсомъ, спускался на землю, закрывалъ то лѣвый, то правый глазъ, смотрѣлъ на стѣну изъ-подъ руки, даже изъ-подъ фески, и снова лѣзъ на стѣну, и снова клалъ камни стройными рядами.

Въ работѣ вездѣ ему помогалъ Рашидъ. Онъ подавалъ своему учителю линейку, отвѣсъ, самъ клалъ по его указаніямъ камни рядъ за рядомъ. Но дѣлалъ онъ все это какъ-то слишкомъ угрюмо и молчаливо. И прежде онъ былъ неразговорчивъ, а теперь въ день два слова не скажетъ. И прежде онъ рѣдко смотрѣлъ на кого ласково, а теперь въ его глазахъ бѣгали злые огоньки. И онъ все думалъ. Думы эти занимали его такъ сильно, что иногда онъ не слышалъ даже окрика своего учителя.

Рабочіе тесали камни. Ахмадъ Карнъ съ Рашидомъ клали стѣны, а мечеть все росла и росла. Ахмадъ Карнъ съ Рашидомъ все уменьшались и уменьшались. Наконецъ, стало уже казаться, что по стѣнамъ новаго минарета ползаютъ два черныхъ муравья.

Господинъ Ахмадъ, должно-быть, до неба хочетъ построить минаретъ. Не довольно ли, Ахмадъ?—говорили ему друзья и знакомые.

Ахмадъ Карнъ только улыбался.

Но вотъ Ахмадъ пристроилъ вокругъ минарета площадку для муэдзина, къ площадкѣ—перила и началъ дѣлать крышу.

Вотъ и крыша готова, и божественный полумѣсяцъ заблестѣлъ въ глубокомъ южномъ небѣ... Минаретъ стоялъ надъ громадою старой постройки чистый и свѣтлый, точно невѣста.

Прохожіе ахали, удивлялись и хвалили Ахмада Карна.
— О, Великій Боже! Какое искусство! Богъ свидѣтель—мы не видѣли такой красоты даже въ Меккѣ. Какъ-то будетъ второй минаретъ!?”

Наступила пятница. И съ высокаго новаго минарета въ первый разъ раздалась надъ городомъ призывная молитва. „Великъ Богъ, великъ Богъ, великъ Богъ! Нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога. Свидѣтельствую, что Мухаммадъ посланникъ Бога. Придите на молитву, придите на дорогу спасенія и удачи! Великъ Богъ, великъ Богъ!!.“

Правовѣрные толпами двинулись къ мечети. Всѣмъ хотѣлось посмотрѣть на новый минаретъ поближе и послушать, что будутъ говорить шейхи.

Послѣ молитвы весь народъ собрался на обширномъ дворѣ мечети. Солнце свѣтило ярко съ голубого неба и играло всѣми цвѣтами въ струяхъ громаднаго фонтана; зелень лимоновъ и гранатъ волнами облежала дворъ и сверкала на солнцѣ. Море головъ въ красныхъ фескахъ и бѣлыхъ кидарахъ волновалось на дворѣ.

Всѣ цвѣта одежды перемѣшались, точно краски на доскѣ у художника. Кидары откидывались назадъ, клинообразныя бороды поднимались кверху и всѣ носы направлялись на новый минаретъ, красовавшійся на голубомъ полотнѣ неба. Всѣ удивлялись искусству работы и хвалили Ахмада Карна.

Ахмадъ стоялъ около двери мечети вмѣстѣ съ шейхами города, стоялъ довольный и счастливый своимъ успѣ-

хомъ. Это было видно по его блестящимъ глазамъ, по возбужденному лицу, хотя онъ и старался казаться равнодушнымъ и хмурился, глядя по сторонамъ. Одобрительный гулъ толпы пріятно щекоталъ ему сердце, туманилъ голову.

Недалеко отъ него стоялъ Рашидъ. Но что съ нимъ дѣлалось?! Глаза его горѣли и метались изъ одной стороны въ другую, какъ два сирійскихъ леопарда въ клѣткѣ. Лицо было подобно небу во время бури. Онъ весь съежился, страшными усиліями воли сжалъ въ себѣ то, что кипѣло у него внутри и просилось наружу. Онъ ждалъ.

Вотъ одинъ изъ шейховъ взошелъ на небольшое возвышеніе и заговорилъ къ народу. Толпа примолкла.

— Во имя Бога милостиваго и милосерднаго! О вы, молящіеся Мухаммаду! Передъ вашими глазами новый минаретъ, воздвигнутый искусною рукою господина Ахмада Карна. Нравится ли вамъ постройка? Строить ли другой такой же?!

— Великъ Богъ!—загудѣла толпа,—Великъ Богъ и его пророкъ Мухаммадъ, — да будетъ Господь къ нему благосклоннымъ и да хранитъ его.—Минаретъ удивительный! Лучшаго не можетъ построить никто...

Но вдругъ Рашидъ всталъ на камень и, голосомъ, рѣзкимъ, какъ крикъ ночной птицы въ пустынѣ, заговорилъ. Лицо его было блѣдно, точно посыпано мукой. Голосъ звенѣлъ и слышался ясно даже въ самыхъ отдаленныхъ углахъ обширнаго двора. Говоръ умолкъ, и всѣ съ удивленіемъ обернулись въ сторону Рашида.

— Правовѣрные!—кричалъ Рашидъ, поднявъ къ небу судорожно сжатую руку.—Я, Рашидъ, рабъ Бога прославленнаго и величайшаго, построю вамъ минаретъ, достойный сей славной мечети... Я построю его выше, тоньше,

прекраснѣе того, который стоитъ здѣсь передъ вашими глазами. Если я лгу — всемогущій Богъ покараетъ меня. Отдаю вамъ тогда свою голову и жизнь...

Если бы на ясномъ небѣ въ эту минуту загрохоталъ громъ, толпа удивилась бы меньше, чѣмъ при словахъ Рашида. Нѣсколько мгновеній всѣ стояли безмолвно. Не пошевелился ни одинъ кидаръ, не дрогнулъ ни одинъ усъ. Будто въ зачарованномъ замкѣ окаменѣли люди, какъ высокія старыя стѣны мечети. Только слышно было, какъ вода плескалась въ фонтанѣ, да городъ глухо стоналъ въ отдаленіи.

— Я сказалъ все, — уже прохрипѣлъ Рашидъ и сошелъ съ камня.

Толпа зашумѣла, задвигалась. Бороды затряслись, руки замахали. Нѣсколько минутъ нельзя было ничего разобрать. Всѣ точно одурѣли, всѣ кричали, сами не зная, что и какъ.

Только Ахмадъ Карнъ стоялъ молча и неподвижно. Онъ былъ пораженъ... Такъ вотъ почему Рашидъ всегда смотрѣлъ на него, Ахмада, исподлобья, вотъ почему взглядъ его былъ враждебенъ! Его грызла зависть! Ему хотѣлось быть равнымъ, даже выше своего искуснаго учителя! О, скорпіонъ, котораго пригрѣлъ Ахмадъ въ своемъ домѣ!

Толпа понемногу успокоилась. Мнѣнія раздѣлились. Одни, старые и благоразумные, хотѣли отстранить дерзкаго Рашида и предоставить Ахмаду докончить работу. Большинство, главнымъ образомъ, люди помоложе, болѣе любопытные, настаивали отдать второй минаретъ Рашиду. Построить, какъ его учитель или лучше — получить деньги; построить хуже — не получить.

— А если онъ совсѣмъ испортить? — возражали старики...

Но Рашидъ разрѣшилъ и эти послѣднія сомнѣнія. Въ залогъ того, что минаретъ его будетъ не хуже минарета Ахмада, онъ предложилъ все свое многолѣтнее сбереженіе — цѣлыхъ сто золотыхъ монетъ по сто піастровъ каждая. Тогда всѣ начали соглашаться отдать постройку Рашиду. Ахмадъ Карнъ закончилъ споры: онъ всенародно отказался продолжать постройку, чтобы посмотреть на работу своего ученика и порадоваться, если онъ оправдаетъ свои обѣщанія...

Толпа начала понемногу расходиться...

Завтра Рашидъ начнетъ постройку второго минарета.

III.

Любопытство охватило весь городъ. Что выйдетъ изъ состязанія двухъ мастеровъ? На обширномъ дворѣ мечети всегда толпилось множество праздныхъ зрителей. Толки и предположенія были безконечны. Ставилось много закладовъ за Рашида и за Ахмада. Даже женщины и малыя дѣти приходили къ мечети и вели тамъ безконечныя споры о томъ, кто побѣдитъ.

Рашидъ же работалъ. Онъ не смотрѣлъ на толпу и не говорилъ почти ни съ кѣмъ, кромѣ каменщиковъ, ни слова. Онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ. Глаза его ввалились и блестяли въ костлявыхъ глазницахъ, точно два ночныхъ огня въ горной пещерѣ. Днемъ онъ не отдыхалъ, а въ пятницу нигдѣ въ городѣ не показывался.

И день, и ночь, и будни, и праздники онъ проводилъ на своей постройкѣ, спалъ на минаретѣ, и постель его поднималась все выше и выше къ голубому небу.

И Ахмадъ Карнъ сидѣлъ дома и никуда не выходилъ, даже въ мечеть. Заслышавъ звуки призывной молитвы, онъ разстидалъ у себя на дворѣ коврикъ и долго молился. Онъ ждалъ конца работы, чтобы посмотрѣть, какъ построить минаретъ его соперникъ. Онъ жилъ слабой надеждой, что минаретъ Рашида выйдетъ хуже его минарета.

Неужели же слава Ахмада Карна померкла?!

Родные и знакомые приходили къ Ахмаду и утѣшали его, рассказывали, какъ двигается у Рашида второй минаретъ. Сначала они надъ Рашидомъ подсмѣивались, называли его „новою звѣздою“, „ноевымъ голубемъ“. Но чѣмъ дальше, тѣмъ шутки ихъ становились принужденнѣе и рѣже. Ахмадъ чувствовалъ, что отъ него нѣчто скрываютъ, и безпокойство его возрастало все болѣе и болѣе. До сихъ поръ еще крѣпкій и бодрый, онъ въ нѣсколько мѣсяцевъ совершенно постарѣлъ, даже посѣдѣлъ.

Наконецъ, узналъ онъ, что Рашидъ окончилъ свою постройку.

Наступила пятница.

Съ сильно-бьющимся сердцемъ вышелъ Ахмадъ Карнъ изъ дому въ мечеть, куда валилъ толпами народъ. Шелъ онъ по узкимъ улицамъ съ опущеннымъ взоромъ, читая въ бороду стихи изъ Корана и перебирая дрожащими руками янтарныя четки. За домами не было видно новыхъ минаретовъ. Они откроются только за послѣднимъ поворотомъ улицы, совсѣмъ близко около мечети.

Около этого поворота у Ахмада подкосились ноги и сердце перестало биться. Онъ немного придержался за уголь дома и взглянулъ на древнюю мечеть...

Сначала минареты запрыгали, затанцовали у него въ глазахъ, точно два дервиша въ припадкѣ священнаго изсту-

пленія. Но черезъ минуту Ахмадь пришелъ въ себя и разглядѣлъ новый минаретъ, какъ слѣдуетъ.

Передъ нимъ на голубомъ небѣ вырисовался воздушный станъ минарета Рашидовой рабсты. Прямой, какъ солнечный лучъ, тонкій, какъ тростникъ надъ водами Иордана, онъ возносился выше его минарета. Онъ стоялъ, какъ юноша съ гордо-поднятой головой и стройно вытянутымъ станомъ. Его полумѣсяць ярко сверкалъ въ вышинѣ надъ всѣми постройками и, казалось, злобно улыбался надъ другимъ минаретомъ, своимъ сосѣдомъ.

А минаретъ Ахмада Карна будто принизился, постарѣлъ, застыдился стоять съ такимъ молодцомъ и даже покачнулся немного въ сторону. Да, только теперь Ахмадь Карнъ замѣтилъ, что его минаретъ былъ немного кривъ. Только теперь онъ разсмотрѣлъ несоразмѣрность его частей. Теперь увидѣлъ, какъ неуклюжь его станъ, какъ некрасиво висятъ на стѣнахъ перила...

Все увидѣлъ Ахмадь Карнъ и точно замеръ на мѣстѣ. Гдѣ, откуда научился такому искусству его Рашидъ, этотъ угрюмый работникъ? Гдѣ онъ видѣлъ образцы лучшіе построекъ Ахмада?..

Мимо него проходили люди, съ сожалѣніемъ, мелькомъ взглядывали на его сгорбленную фигуру и блестящіе больнымъ огнемъ глаза, устремленные на новый минаретъ.

Онъ опомнился, оттолкнулся дрожащей рукой отъ угла дома, къ которому привалился, и пошелъ въ мечеть.

Мечеть была полна народомъ. Какъ спѣлые колосья подъ ударами вѣтра припадаютъ къ землѣ, такъ дружно склонялось въ мечети на ковры и циновки общество правовѣрныхъ.

Ахмадъ Карнъ прошелъ на свое мѣсто у колонны и опустился на колѣни. Въ головѣ и сердцѣ у него была пустота. Онъ напрягалъ все свое вниманіе, чтобы понять, о чемъ говорить проповѣдникъ съ возвышенія, но слышалъ только одни звуки. Слова метались въ мечети, звучали вверху и замирали по угламъ, не доходя до его сознанія. Ему казалось, что слова похожи на голубей, которые летали подъ потолкомъ, всѣ одинаковые, и бѣлыя крылья ихъ мелькали въ вышинѣ и неустанно звенѣли. Онъ даже забылъ о своемъ противникѣ Рашидѣ и въ теченіе всей молитвы ни разу не посмотрѣлъ, гдѣ онъ и какое у него лицо. Его сердце давила тяжесть, а въ глазахъ вырисовывался новый минаретъ, прекрасный и стройный, какъ ангелъ, рядомъ съ его неуклюжимъ старикомъ. И Ахмаду казалось, что его минаретъ чувствуетъ съ нимъ одинаково: и у минарета, какъ и у него, сдѣлалось все такъ страшно, пусто въ душѣ. Этотъ новый молодой наглець задавилъ у нихъ обоихъ всю радость жизни, затмилъ ея свѣтъ, истребилъ въ ней что-то самое главное, самое нужное.

Ахмадъ Карнъ даже не замѣтилъ, какъ всѣ вышли изъ мечети и собрались на дворѣ. Онъ очнулся только тогда, когда толпа, въ отвѣтъ на чьи-то слова, зашумѣла, загудѣла одобрительно, радостно.

— Должно быть, хвалятъ Рашида, — подумалъ Ахмадъ и тихо пошелъ на дворъ.

Завидѣвъ его, толпа сразу смолкла. Онъ растерянно оглянулся вокругъ. Всѣ молчали и какъ будто не обращали на него никакого вниманія. Онъ пошелъ къ выходу. Толпа молча разступилась и проводила его глазами до самыхъ воротъ. Когда Ахмадъ вышелъ изъ мечети, скрылся

за ея громадною желѣзною дверью, всѣ снова зашумѣли, заговорили.

IV.

Наступила тихая лѣтняя дамасская ночь. Легкія прозрачныя тѣни упали съ неба на городъ, и тихо заснулъ онъ подъ ихъ покровомъ.

Тихо, торжественно-тихо, такъ, какъ только бываетъ тихо ночью въ Дамаскѣ: листъ не движется и беспомощно застываетъ на своей ножкѣ. Надъ городомъ поднимается высокое небо съ крупными мигающими звѣздами. Звѣзды то загораются разноцвѣтными огнями драгоценныхъ камней, то меркнутъ, совсѣмъ потухаютъ.

Во всѣ стороны высятся безпорядочныя груды домовъ, окутанныя свѣтлымъ сумракомъ звѣздной южной ночи.

Городъ спитъ. На узкихъ улицахъ и крытыхъ базарахъ никого нѣтъ. Фонари слабо мерцаютъ въ темнотѣ. Ночныя тѣни о чемъ-то шепчутся по узкимъ переулкамъ и подъ угрюмыми сводами тысячелѣтнихъ построекъ. Рѣдкій прохожій боязливо озирается по сторонамъ, прислушиваясь къ этому таинственному шопоту и движенью ночныхъ тѣней вѣчнаго города.

Кто тамъ смотритъ изъ мрака внимательными очами? Кто слѣдитъ за каждымъ шагомъ? Кто дышитъ?.. Кто прислушивается къ біенію нашего сердца, къ полету грѣшной мысли?..

Нѣтъ никого... Проворчала собака. Слава Богу,—раздался знакомый звукъ. Примолкли на минуту тѣни; глубже во мракъ попрятались призраки...

Ужъ близко полночь—самый тихій часъ дамасской ночи. Но вотъ на улицѣ кто-то тихо-тихо идетъ. Онъ еже-

минутно озирается по сторонамъ, какъ воръ, какъ женщина, идущая на свиданіе... Онъ пробирается въ тѣни, стараясь укрыться отъ свѣта керосиновыхъ фонарей. На углу лицо его освѣтилось. Это Ахмадъ Карнъ! Руки и ноги его дрожатъ, глаза горятъ, широкій хитонъ почти сползъ съ плечъ. Онъ идетъ, точно пьяный, качаясь изъ стороны въ сторону. Идетъ онъ прямо въ мечеть, къ двумъ минаретамъ. Вотъ онъ вошелъ въ отворенную дверь и скрылся въ зелени акацій и лимоновъ.

Вдругъ далеко кто-то запѣлъ тонкимъ высокимъ голосомъ. О, какую согласную съ торжественнымъ полумракомъ ноту взялъ этотъ, звенящій какъ серебро, далекій голосъ! То муэдзинъ запѣлъ въ срединѣ города на минаретѣ Аль-Амуи *) призывную молитву.

Со всѣхъ концовъ Дамаска, со ста пятидесяти мечетей ему откликнулись голоса. И скоро надъ городомъ въ прохладномъ ночномъ воздухѣ заметалась печальная пѣсня муэдзиновъ.

Но вотъ и на новомъ высокомъ минаретѣ Рашида, торопясь попасть въ общій концертъ, муэдзинъ запѣлъ обычную молитву: „Великъ Богъ, великъ Богъ! Нѣтъ божества, кромѣ единаго Бога. Свидѣтельствую, что Мухаммадъ посланникъ Бога“.

При первомъ звукѣ муэдзиновой пѣсни Ахмадъ Карнъ вздрогнулъ и взглянулъ вверхъ.

— А! поютъ на минаретѣ Рашида! Мой плохъ и кривъ.

И онъ въ безсиліи опустился на холодную каменную плиту двора и прислушался.

*) Главная дамасская мечеть.

Только подъ горячимъ южнымъ небомъ, въ каменной горной пустынѣ, могъ зародиться такой отчаянно-печальный мотивъ. Въ звукахъ этого призыва плачетъ вся природа: плачутъ въ благоговѣніи люди, плачутъ горы, плачутъ каменистыя пустыни; отъ избытка чувствъ плачетъ сердце, съ покорностью судьбѣ плачетъ умъ. Плачутъ и торжествуютъ! Да и самъ онъ, муэдзинъ, неужели не плачетъ вмѣстѣ съ этимъ страдающимъ, какъ что-то живое, мотивомъ? Быть можетъ, только не видно, какъ съ высокаго минарета капаютъ его слезы на холодные, покрытые ночью влагою, камни?

Да и что же онъ поетъ? Кажется, онъ оставилъ пѣть затверженную молитву. Да, онъ поетъ другое...

„Все пройдетъ на свѣтѣ, — пѣль муэдзинъ. — Нѣтъ ничего вѣчнаго! Вѣченъ только великій Богъ! Измѣнять свои русла и изсякнуть рѣки; въ прахъ и пепель превратятся города; исчезнутъ народы; сравняются горы, потускнѣетъ самая яркая слава! Измѣнить міру память, померкнетъ сіяніе божественнаго полумѣсяца. Гибнетъ тотъ народъ, надъ которымъ онъ впервые возблестѣлъ, подобно яркому солнцу. Великъ Богъ! Бойтесь Бога, ибо онъ всевѣдущъ и великъ!

„Помнишь ли ты, Дамаскъ, свою прежнюю славу? Не забылъ ли своихъ великихъ халифовъ? Видишь ли ты ихъ хоть во снѣ, подъ легкимъ покрываломъ прозрачныхъ тѣней? О, горе! Неужели ты забылъ свою славу, неужели поникъ головой отъ безсилія? Неужели не струится кровь безбожниковъ подъ твоимъ заржавѣвшимъ мечомъ? Въ твоихъ безчисленныхъ ручьяхъ нѣтъ ни капли крови. Они мирно лепечутъ и рассказываютъ дивныя повѣсти о былой славѣ. Слышишь ли ты, какъ плачутъ на тонкихъ, точно

станъ прекраснѣйшей изъ твоихъ женщинъ, высокихъ минаретахъ муэдзины-пѣвцы? Они смотрятъ въ туманную даль, окутанную прозрачными тѣнями. Смотрятъ они на западъ и востокъ, сѣверъ и югъ, смотрятъ на святой городъ... Весь міръ видятъ оттуда! Но нигдѣ не слышно звона оружія, не сіяетъ полумѣсяцъ надъ стройными рядами воиновъ... Все тихо... Сады и горы... Все спитъ спокойно и безмятежно.

„Молитва моя летитъ къ тебѣ, первое изъ твореній божіихъ и послѣдній изъ посланниковъ божіихъ. Миръ тебѣ и всѣмъ друзьямъ твоимъ, прославившимъ по всей землѣ имя твое. Нѣтъ ихъ больше — и приникла слава“.

И еще мучительнѣе, еще отчаяннѣе заметалась въ воздухѣ печальная пѣсня муэдзина. Съ глухихъ грудныхъ звуковъ она поднялась на высокія, кричащія ноты, поднялась выше нѣмыхъ неподвижныхъ горъ, — и въ безсиліи, точно подстрѣленная птица, кувыркаясь, снова упала внизъ.

„Ночныя тѣни окутали городъ и на своихъ легкихъ крылахъ принесли мирныя грѣзы. Встаньте правовѣрные, пріидите на молитву, пріидите на путь спасенія и удачи! Великъ Богъ, великъ Богъ, и нѣтъ божества, кромѣ единого Бога“...

Муэдзинъ замолкъ, и все стало снова тихо. Сторожъ звонко ударилъ въ сухую доску. Проворчала собака. Вода бойко плескалась въ бассейнѣ и рябила прекрасное отраженіе звѣздного неба.

А звуки муэдзиновой пѣсни поднимались къ небу, долго-долго звенѣли въ сверкающей выси, пока снова не

заснули чуткія горы и не перестали давать свои невнятные отвѣты.

Спускаясь съ минарета, муэдзинъ замѣтилъ, что кто-то быстро шмыгнулъ на другой минареть и побѣжалъ вверхъ по каменной лѣстницѣ. Онъ ускорилъ шагъ и испуганно прошепталъ:

— Молю Бога избавить отъ діавола искуителя.

И поторопился захлопнуть дверь своей комнаты.

На-утро весь городъ встревожился. Въ старой мечети на дворѣ около двери лежало мертвое тѣло Ахмада Карна. Онъ бросился внизъ съ построеннаго имъ минарета на каменные плиты двора. Всѣ шли въ мечеть, чтобы взглянуть на бывшаго строителя и отдать ему послѣдній привѣтъ.

Пришелъ сюда и Рашидъ. Увидѣвъ тѣло своего учителя, онъ поклонился ему до земли, поцѣловалъ его холодную скорченную руку и ушелъ, не сказавъ никому ни слова.

Съ тѣхъ поръ его въ Дамаскъ больше не видѣлъ никто.

А два минарета стоятъ и теперь на краю Дамаска и видны путнику издалика въ зелени абрикосовыхъ и тутовыхъ садовъ: одинъ пониже, постарѣе, немного покачнулся на бокъ, а другой высокій, стройный и будто только-что вчера построенъ.

УДАРЪ ВЪ ОЛОЖОЛА

Мы стоимъ у Новой Земли въ Бѣлужьей губѣ. Западный вѣтеръ нанесъ густого туману. Стало сумрачно, холодно. Въ губу съ океана заходитъ большой взводень—остатки далекаго шторма. У всѣхъ тягучія сонныя мысли.

Самоѣды выгружаютъ на берегъ припасы. Гремить цѣпями лебедка, точно по палубѣ арестанты въ кандалахъ ходятъ. Безтолково кричатъ пьяные самоѣды. Скучно. Сидимъ всѣ въ столовой перваго класса. Поѣхать бы на охоту, да куда въ такой туманъ тронешься. Просимъ капитана Макѣева рассказать что-нибудь страшное. Онъ такъ много видѣлъ.

— Да вѣдь что же, господа, страшное? Вѣроятно, вы ожидаете услышать, какъ я замерзалъ, какъ разбилось о скалы наше судно въ Югорскомъ шарѣ и я едва не потонулъ—что-нибудь въ этомъ родѣ? Такъ я вамъ скажу,—это не страшно. Когда вы тонете или голодаете,—вы боре-

тесъ, ищите. А въ борьбѣ страха нѣтъ. Страшно, когда не знаешь, съ чѣмъ бороться, гдѣ искать выхода.

И со мной былъ такой случай. Не знаю, сумѣю ли вамъ рассказать...

Зимовали мы въ Бѣлужъей губѣ, еще когда здѣсь и становища никакого не было. Стояла здѣсь одна избушка старая. Оправили мы эту избушку, стали въ ней жить. Было насъ трое: самоѣдъ Тукѡ, сильный старикъ, грудь колесомъ, лицо, какъ у колгуевского деревяннаго идола, обожжено угольями и жиромъ замазано. Хорошій старикъ. Всегда добромъ его вспомнишь. Второй былъ Линевъ Николай, тотъ, что теперь капитаномъ на „Невѣстѣ“ служить. Третій я, тогда двадцатилѣтній морякъ.

Устроились мы въ избушкѣ хорошо, тепло. Припасы у насъ были: мука, пшено, кислая капуста. Мяса было вдоволь,—олений били много. Сплошная ночь настала—тоже хорошо прожили. Никто не болѣлъ. Только вотъ со мной случилось...

Затосковалъ я отъ этой тишины и трехмѣсячной ночи. Когда вѣтра нѣтъ,—до того бываетъ тихо, что даже страшно становится. Думаешь—замерзла, умерла вся Земля, только мы трое пока живемъ. Да и мы скоро помремъ. Ночью лежишь и слушаешь, какъ ручьями кровь въ ушахъ переливается. Собака на дворѣ тявкнетъ—и въ этой тишинѣ кажется, что звукъ не летитъ, а свернулся комочкомъ и тутъ же легъ вмѣстѣ съ собаками, точно новая собака появилась. Радъ, когда кто-нибудь изъ нашихъ захрапитъ. Все-таки не такъ тихо. Да и живой звукъ.

И почему-то чаще всего сталъ мнѣ вспоминаться яркій весенній день, улица въ нашемъ селѣ, Пожарищѣ, и пасхальный звонъ. Ужъ очень пасхальный звонъ меня въ

удивленіе приводилъ. Такъ вотъ, кажется, и звенить, такъ и гудить въ ушахъ. А въ глазахъ разные цвѣта переливаются: красныя и голубыя яйца, желтые платки дѣвокъ, свѣтлыя ризы. Вспоминаю я все это и даже плакать сталъ. Стыжусь, а никакъ удержаться не могу.

Тукò, должно быть, все это видѣлъ. Разъ пошли мы съ нимъ по зарѣ на охоту. Убили тюленя. Онъ ему сейчасъ же горло ножомъ распахнулъ, чашку изъ кармана вынулъ, нацѣдилъ крови и даетъ мнѣ. Я крови не пилъ, сталъ отказываться. А онъ одно твердитъ: „Пей! Тебѣ кровь надо пить, болѣть не будешь“.

Я выпилъ. Соленая, густая, липкая. Сначала не понравилось, а потомъ привыкъ, прямо изъ горла животного пилъ. Припадешь къ тѣлу оленя или тюленя; оно еще подергивается, трепыхается, а изъ раны прямо въ ротъ тебѣ фонтаномъ бьетъ теплая, соленая кровь. Напьешься, точно пивомъ, даже опьянѣешь.

Только не вылечилъ меня Тукò. Принесли мы тогда этого тюленя домой. Пошли и спать легли. Уснулъ я, крѣпко уснулъ. Даже сна никакого не видѣлъ. И вдругъ въ ушахъ моихъ раздался звонъ колокола: тягучій, густой, съ легкимъ дребезжаньемъ. Вскочилъ я съ постели. Сердце прыгаетъ, кувыркается въ груди, какъ птица въ мѣшкѣ. Откуда въ этой тишинѣ такой сильный звукъ? Въ первый моментъ я и не подумалъ, что слышалъ его во снѣ. Кричу: „Тукò! Звонятъ! Звонятъ!“

Тукò проснулся, зажегъ лампочку, посмотрѣлъ на меня, покачалъ головой. Вышли мы съ нимъ наружу, ничего нѣтъ. А звукъ былъ такой сочный, явственный и близкій, точно я подъ самымъ колоколомъ спалъ.

Въ этотъ разъ я уже не могъ уснуть. Все мнѣ казалось, что гдѣ-то вдалекѣ слышится отзвукъ ночного удара. Какъ послѣ пасхальной недѣли долго еще колокола въ ушахъ звенять. Въ первый разъ я даже обрадовался этому колокольному звону въ ушахъ. Все-таки не такъ тихо; пріятно.

На другой день по зарѣ мы ходили на охоту, убили оленя и тащили его мясо до становища версты четыре. Усталъ я страшно. Поѣлъ и уснулъ, но уснулъ не крѣпко, несмотря на всю усталость. Уснулъ я съ чувствомъ таинственнаго и чудеснаго въ мірѣ. Видѣлъ во снѣ широкій океанъ въ штиль. Насколько видѣлъ глазъ, все было величаво-спокойно. Отъ океана поднимаются испаренія, пронизанныя желтыми лучами низкаго солнца. На далекомъ горизонтѣ розовый туманъ движется. Я стою среди этого простора и спокойствія и чего-то жду. Чего—и самъ не знаю. И ожиданіе мое все тревожнѣе и напряженнѣе. И вдругъ, точно небо разломилось надъ моей головой пополамъ—опять, какъ и вчера, раздался явственный ударъ колокола...

Сонъ этотъ я очень хорошо запомнилъ, потому что видѣлъ его потомъ часто. Вижу что-то свѣтлое, просторное, тихое,—тихій океанъ, или безконечный лучъ, или свѣтлое снѣжное поле. Тихо кругомъ, но на далекомъ горизонтѣ начинается безшумное движеніе. Облака, или туманъ, или лѣсъ качается, или толпа народа идетъ,—не разберешь. И вдругъ: дон-н-нъ!

Спалъ я послѣ того мало, боялся спать. Часто—товарищи мои спятъ, а я выйду изъ избушки, сяду на снѣгъ и смотрю въ черное, глубокое небо. Глазъ не закрываю, а сплю. И кажется мнѣ тогда, что небо, это—громадный

колоколь надъ океаномъ. Чудится мнѣ, что кто-то уже раскачиваетъ подъ этимъ небеснымъ колоколомъ громадный невидимый языкъ. Онъ качается, разсѣкаетъ воздухъ, вотъ-вотъ долетитъ, снова ударитъ по черному краю неба на весь міръ...

Боже мой! Вскликаю и бѣгу, куда попало. И чувствую, что раскачавшійся языкъ останавливается. Утихаетъ и мой страхъ. Я снова сижу подъ чернымъ, исчерченнымъ новыми звѣздными рисунками небомъ и плачу отъ тишины. Тишина виситъ на моихъ ушахъ пудовыми гирями, давитъ мое тѣло, какъ желѣзныя вериги. Мнѣ кажется—даже кости мои болятъ отъ тишины. Кричу, но голосъ мой непріятенъ мнѣ. Господи! Хоть бы замычала корова, каркнула ворона.

Тукò замѣтитъ, что меня нѣтъ въ избушкѣ, и выползетъ на волю. Ищетъ меня, найдетъ, сядетъ около, закуритъ трубку и начнетъ что-нибудь рассказывать скрипучимъ голосомъ. Онъ рассказываетъ, а я сплю. И пока онъ разговариваетъ самъ съ собой, съ собаками, вздыхаетъ, позѣвываетъ, я сплю, крѣпко сплю. Какъ только замолчить,—навалится на меня тишина, и я вижу сонъ: опять какая-нибудь свѣтлая ширина, снова во всемъ моемъ тѣлѣ растетъ напряженіе и тревога, и вдругъ опять надъ головой раздастся оглушительный ударъ колокола.

Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше я страшился этого удара колокола. А главное—непонятно было, откуда и почему этотъ колокольный звонъ. Тукò рассказывалъ про какую-то чудь, которая живетъ на Новой Землѣ—какой-то получеловѣкъ-полудьяволь. Рассказывалъ про духовъ... Въ таинственные силы я и тогда плохо вѣрилъ, но былъ такъ измученъ, что иногда мнѣ начинало казаться, будто во мнѣ

поселился какой-то злой духъ и томить меня колокольнымъ звономъ.

Такъ промучился я до перваго появленія солнца.

Боже мой, какая это радость,—послѣ трехмѣсячной тьмы въ первый разъ увидѣть солнце! Никогда въ жизни я не испытывалъ такой сильной, прямо безумной радости, какъ въ этотъ первый солнечный полдень. Тогда только всѣмъ своимъ существомъ, каждой жилкой тѣла, каждымъ волоскомъ я почувствовалъ, что, хотя мы и живемъ на землѣ, но все въ насъ отъ солнца!.. Трудно это, господа, рассказать вамъ. Надо увидеть солнце въ первый разъ послѣ трехмѣсячной ночи, чтобы понять.

Спалъ я послѣ встрѣчи солнца, какъ мертвый. Проснулся—и самъ себѣ не вѣрю, что удара колокола не было. На небѣ снова была полуденная заря. Я проспалъ ровно сутки.

Н О Ч Ъ

Такъ мы и не спали всю эту ночь передъ праздни-комъ. Куда тутъ! До сна ли было.

Метель поднялась. Да вѣдь какъ неожиданно! Весь сочельникъ было ясно, тихо и морозно. Къ вечеру вдругъ потеплѣло немного, снѣгъ пошелъ, поднялся вѣтеръ.

И зашумѣлъ!

До сихъ поръ мнѣ страшно и радостно вспоминать эту рождественскую ночь.

Семья наша большая. Пятеро насъ—дѣтей, отецъ съ матерью, дѣдушка, да Боленецъ.

Боленецъ—бродяжка. Попалъ въ село наше, Переловку, проходомъ, на масленицу. А пьяный кузнецъ, Тюринъ, катался на своемъ Гнѣдкѣ, наѣхалъ на Боленца, ноги ему и сломалъ. Случилось это какъ разъ противъ нашего

дома. Къ намъ его внесли. У насъ онъ лѣчился, да такъ у насъ и остался потомъ до самой смерти.

— Куда я,—говорить,—пойду? Находился. Дошелъ до своей *точки*.

— До какой это *точки*, Боленецъ?—спрашивали его мы съ сестренкой Ганькой, маленькія дѣти.

— А до такой,—говорить.—У каждого человѣка на землѣ своя точка есть. Онъ еще и не родился, а точка ужъ готова. И сколько бы человѣкъ ни ходилъ по бѣлу свѣту, а къ смерти на свою точку придетъ. Вотъ и я пришелъ.

— Да гдѣ же она, твоя точка? Покажи намъ, Боленецъ.

Боленецъ смѣется.

— Ахъ вы,—говорить,—дурачки! Погодите, не торопите. Помру, такъ и сами увидите.

Помню, я все по двору и вокругъ двора ходилъ, боленцову *точку* искалъ. Жутко мнѣ было, чуюлъ я тутъ что-то, а не понималъ. И казалась мнѣ эта точка въ родѣ шампиньона-гриба. Гдѣ-то сидитъ грибокъ подъ землей—не видно. А какъ выростетъ,—маленькій бугорокъ поднимется надъ нимъ,—тутъ и копай, найдешь.

Боленецъ работалъ по хозяйству, за скотиной ходилъ, корзины, даже самовары изъ прутьевъ плелъ, вилъ веревки, сказки намъ рассказывалъ.

Дѣдушка былъ совсѣмъ старый. Лѣтомъ жилъ на конникѣ, а зимой на печкѣ. Когда отецъ, бывало, выпьетъ, начнетъ подъ веселую руку надъ дѣдушкой и Боленцомъ шутить.

— Вы,—говорить,—у меня для погоды живете, *барометры*. А ну, скрипите, какая завтра погода будетъ?

Дѣдушка больше насчетъ лѣтней погоды предсказывалъ, а Боленецъ—зимой отгадывалъ. Онъ и въ этотъ день съ утра отца уговаривалъ.

— Не ѣзди, Ларивонъ. Праздникъ на носу, да и погода какъ бы не подула. Нога у меня что-то ноетъ.

Отець-то еще и пошутилъ надъ нимъ.

— Испортился,—говорить,—нашъ баромѣръ. Морозъ, тихо, ясно, а онъ скрипитъ.

Такъ и уѣхалъ.

— Вечеромъ,—говорить,—вернусь.

Было такъ празднично у насъ въ домѣ въ этотъ рождественскій сочельникъ. Весело и полно радостно-тревожныхъ ожиданій. Вымыли въ избѣ полъ, засыпали желтой, душистой соломой. Мы съ сестрой по соломѣ катаемся, какъ щенята, возимся. Въ печкѣ-галанкѣ дрова горятъ. Сестры и братъ изъ избы да въ избу. Кто по хозяйству, кто изъ укладокъ наряды приносить. Извѣстно-дѣло, наряжаться скоро будемъ, къ заутренѣ пойдемъ. Христо-славы придутъ. Радуемся.

Только правъ оказался Боленецъ. Къ солнечному-то закату и поднялся буранъ. Слышимъ мы, въ галанкѣ вдругъ что-то сильно загудѣло и въ окнахъ темнѣть стало. Выбѣжали мы съ Ганькой на улицу, а тамъ ужъ бушуетъ.

Село наше, Переловка, вытянулось по степи въ одну улицу. Труба въ степи, а на село! Взглянешь вдали въ улицы—спереди степь, сзади степь. И степь эта кругомъ на десятки верстъ ровная, какъ море. Поднимется буранъ,—защиты нигдѣ нѣтъ. Холодомъ холодитъ, вѣтромъ бьетъ и крутитъ, снизу и сверху снѣгомъ заметаетъ.

Налетѣлъ тогда на Переловку буранъ, точно стая бѣло-снѣжныхъ птицъ.

Слыхали вы, какъ большими стаями птицы надъ головой пролетаютъ? Напримѣръ, скворцы или воробьи осенью по жнивямъ носятся?

Налетитъ такая стая внезапно, зашумитъ, загудитъ, опашнетъ вѣтромъ, ароматомъ поля, лѣса. Темно станетъ и жутко. Шумитъ, гудитъ и несется, позванивая тысячами крыль. Пролетитъ, и долго вслѣдъ глядишь, какъ темная стая надъ полемъ несется, точно пологъ по вѣтру колыхается.

А тутъ налетѣла стая во все небо. Кружатся бѣлыя птицы, валятъ по небу сине-бѣлыми тучами.

Падаютъ тучи на землю снѣжнымъ пухомъ, снѣжнымъ перомъ, снѣжными птицами. Падаютъ и снова съ земли въ небо взвиваются.

Гомонъ, звонъ, шумъ, хлопъ крыльевъ, свистъ и вой. Бѣлая смерть пришла!

Поплыла бѣлая степь. А надъ степью закрутилось, свернулось вихрями, опустилось бѣлыми воронками, заплесало небо.

Въ какомъ домѣ не скажутъ:

— Не дай Богъ теперь въ полѣ! Смерть. Слава Богу, наши всѣ дома.

Да, надо знать, какіе въ степи бураны бываютъ.

Сразу у насъ въ домѣ печально сдѣлалось. Сначала что надѣялись: вотъ-вотъ отецъ подѣдетъ, съ минуты на минуту ждали. Ахали все, какъ бы не заплутался, какъ бы не закружился въ степи-то, не замерзъ. А потомъ и говорить объ этомъ перестали. Всѣ думаютъ, и видно, что объ одномъ думаютъ, а выговорить жутко.

Темно стало. Зажгли огонь. Вся наша семья въ избѣ собралась. Сидимъ тихо. Кто на печкѣ, кто на лавкѣ, кто

на конникѣ. Не разговариваемъ, слушаемъ,—не стукнетъ ли гдѣ, не заскрипятъ ли ворота.

А окна черныя. Крутится что-то за окнами, мельтешить, скребется лапами, хлопаютъ крыльями, бѣлымъ саваномъ машетъ. Воетъ въ трубѣ, свищетъ на потолокъ.

Застучитъ вѣтромъ въ ворота, звякнетъ калиткой—выбѣжитъ старшій братъ Николай или сестры.

Никого нѣтъ. Войдетъ въ избу и молчитъ ужъ, не сказываетъ, какъ на дворѣ буранъ буранить.

Зазвонили въ колоколь. Когда буранъ,—у насъ всегда въ колоколь звонятъ. Если кто заплутается, на звонъ пріѣдетъ.

Звону мы сначала обрадовались. Показалось намъ, что вотъ ужъ тятка услыхалъ, повернулъ лошадь и ѣдетъ на звонъ. Скоро пріѣдетъ. Братъ вышелъ, говоритъ, что будто и буранить потише.

Мы съ Ганькой Боленца уговорили сходить въ сторожку, посмотрѣть, какъ нашему тяткѣ въ колоколь звонятъ. Насилу дошли. Чуть на улицѣ-то не заплутались, другъ за дружку держались. Куда тутъ—тише! Чуемъ мы, все сильнѣе буранъ буранить.

Сторожъ въ сѣняхъ сторожки стоитъ. Веревка у него протянута съ колокольни прямо въ сѣни. Стоитъ, стоитъ, да и дернетъ за веревку.

— Дон-нѣ!

Подхватитъ вѣтеръ колокольный звонъ, да кинетъ на сторожку, точно колоколь съ колокольни сорвался, да на землю упалъ. А иной разъ—ничего не слышно, ровно и не ударило совсѣмъ. Взлетитъ звонъ наверхъ и пропадетъ, только тинькнетъ чуть-чуть.

Сторожъ насъ спрашиваетъ:

— Вы что, ребятки?

— Да вотъ,—говоримъ,—тятъка у насъ въ Змѣевку уѣхалъ. Боимся.

— Это,—говорить,—ужь Божья воля теперь... Вѣтеръ-то, кажись, на Змѣевку дуетъ. Вотъ я сейчасъ погромче ударю,—онъ и услышитъ.

Я попросилъ у сторожа веревку. Хотѣлось мнѣ самому тятъкѣ въ колоколь позвонить. Мнѣ думалось, если я, его сынъ, своими руками въ колоколь ударю, такъ ужь онъ, непременно, услышитъ. Взялся я за веревку, дергаю, а колоколь не звонитъ.

Силь-то у меня мало было.

А Ганька стояла, стояла, выбѣжала къ оградѣ, да какъ закричить во весь голосъ:

— Тятъка-а!

А бурей ее и сдунуло въ сугробъ. Она барахтается тамъ, плачетъ, да кричитъ истошнымъ голосомъ, надрывается, сердечная:

— Тятъка-а!

Я-то понималъ, что голосу нашего отецъ не услышитъ. А все-таки и мнѣ страшно стало, я тоже заревѣлъ. Ну, и повелъ насъ Боленецъ домой, обоихъ со слезами.

— А, ну васъ,—говорить,—крикуны-плакуны, чего разревѣлись?

Идемъ мы и сами не знаемъ, гдѣ идемъ. Боленецъ насъ ведетъ.

А вокругъ насъ—свѣтопредставленіе. Бѣлый потопъ, бѣлый страхъ, бѣлое землетрясеніе.

У-у-у, волчья смерть!

Катятся за нами колокольные удары, какъ раненые гуси кричатъ, надъ головами пролетаютъ.

Привелъ насъ Боленецъ домой въ слезахъ. Мать насъ утѣшаетъ, а чуемъ мы, что у самой-то у ней кошки на сердцѣ скребутъ. Тихая была у насъ мать да ласковая.

А отецъ былъ суровый. Часто обижалъ насъ и билъ. Ну, только въ эту ночь намъ казалось,—милѣе его никого на свѣтѣ нѣтъ. Только бы онъ вернулся, только бы не замерзъ гдѣ-нибудь въ полѣ.

Всѣ сидятъ, молчатъ, прислушиваются. Дѣдушка на печкѣ лежитъ, кряхтитъ, тоже не спитъ.

— Свѣчку,—кричитъ,—свѣчку-то зажгите. Свѣчка-то ему въ буранѣ посвѣтитъ. Свѣчка передъ иконой,—она далеко свѣтитъ. Далеко-о, свѣчка-то!..

Боленецъ началъ было какую-то исторію рассказывать.

— Былъ я,—говоритъ,—въ такой странѣ, Бухара прозывается. А бухарцы, они вродѣ какъ и татары, али мордва, тоже на своемъ языкѣ говорятъ. И по-русски, ежели не побить, ничего не понимаютъ. И волосомъ они черные, какъ жуки... Вотъ говорилъ я Ларивону,—не ѣзди сегодня: буранъ будетъ. Такъ оно и вышло по-моему. Вотъ и похлебай теперь вѣтру въ полѣ, поѣшь снѣжной кашки.

И Боленецъ сильно въ ту ночь безпокоился. Хорошій былъ старичокъ.

А мать ему рукой машетъ.

— Ужъ молчи, Боленецъ. И безъ тебя тошно.

Мать и къ сосѣдямъ и къ старостѣ ходила. Говорятъ:

— Что же можемъ подѣлать! Коли онъ изъ Змѣевки не выѣхалъ, такъ и искать его нечего. А коли выѣхалъ—развѣ въ полѣ найдешь. Въ буранѣ въ полѣ—что въ морѣ. Вокругъ сто разъ обойдешь, а не найдешь. Утромъ посмотримъ, что будетъ.

Ну, и пошли къ словамъ присловья добавлять, а не поѣхалъ никто. Да и то сказать, кому своя жизнь не дорога? Ну, къ тому же и праздникъ. Скоро къ заутренѣ ударятъ.

Послѣ полночи мать съ отчаянья хотѣла ужъ сама съ Николаемъ ѣхать.

— Поѣдемъ,—говорить,—Николенька?

— Что же,—говорить,—мама, поѣдемъ!

Николай пошелъ лошадь запрягать. Только не поѣхали они. Дѣдушка и Боленецъ отговорили. Да и мы съ Ганькой въ ревъ пустились. Ухватились за мать, не пускаемъ. Ну, она видитъ,—дѣлать нечего, осталась. Молиться стала.

И мы съ Ганькой молились. Объ полъ я крѣпко лбомъ стучалъ. Думалъ, что такъ-то молитва моя до Бога доходчивѣе будетъ.

Да-а! Ужъ набрались мы страху въ ту ночь. Ужъ поплакали, помучились. Такъ и не спали.

А отецъ-то вдругъ пріѣхалъ. Передъ самой заутреней дѣло было. Слышимъ, ворота заскрипѣли.

Мы всѣ такъ и бросились на дворъ, кто въ чемъ былъ. И Боленецъ ковыляетъ, и дѣдушка съ печки слѣзъ. Кружится по избѣ, ходитъ босой по соломѣ, а къ чему—и самъ не знаетъ.

Вошелъ отецъ въ избу. Бѣлый весь, и не узнать. Чуть языкомъ ворочаетъ: зазябъ очень. Насилу мы его раздѣли. Вся одѣжа на немъ насквозь снѣгомъ проснѣжилась, какъ лубокъ замерзла. А борода,—что метла обледенѣла да заиндивѣла.

Туть-то какъ разъ и къ заутренѣ ударили, часто зазвонили.

Мы всё наряжаться стали, къ заутренѣ собирались. Весело намъ: тятка-то пріѣхалъ.

Оттаялъ онъ, мохнатый, красный сдѣлался. Съ лица весь опухъ. На печь полѣзъ спать.

— Послѣ,—говорить,—разскажу. Кабы не Бурый, — пропалъ бы я,—говорить.—Бурый меня отъ смерти спасъ.

А мы наряжаемся. И не видимъ, такъ слышимъ,— тятка у насъ на печкѣ лежитъ, храпитъ.

Спи, милый, спи мохнатый, да большой, да корявый. Храпи себѣ на здоровье!

Не говоримъ, а на сердцѣ у насъ такія слова у каждаго.

Одѣлись мы съ Ганькой; совсѣмъ бы и къ заутренѣ итти. Да полѣзли мы на печь, на отца поглядѣть, какой онъ лежитъ. И въ минуту около него тоже заснули.

Не слышали, какъ и христославы къ намъ приходили.

А проснулись—ужъ свѣтло. И буря затихла.

Весело было.

АКУЛИНА ВЪ ТРИПОЛИ

Акулина пріѣхала въ Іерусалимъ года два тому назадъ. По примѣру многихъ старухъ-богомолокъ она рѣшилась умереть въ Святой землѣ. У нея были маленькія сбереженія. Она могла прожить въ Іерусалимѣ лѣтъ пять. Но, рассчитывая жить дольше, выше своихъ средствъ, она стала искать работы и попала на службу къ учительницамъ православной русской школы въ Триполи.

Здѣсь-то я и увидѣлъ Акулину. Это была уже довольно ветхая старушка. Желтое, дряблѣе лицо покрыто морщинами; подъ нависшими бровями бѣгали бойкіе, но злые глаза. Ходила она въ черномъ платкѣ, немного согнувшись, шлепая туфлями. Отвѣчала рѣзко, будто на кого сердилась. Посуду, ножи и вилки разбрасывала кривыми, узловатыми пальцами съ шумомъ и что-то бормотала себѣ подъ носъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она появилась въ Триполи, мирное теченіе домашней жизни сразу нарушилось. Акулина какъ-то умѣла и всѣмъ окружающимъ внушить недовольство всѣмъ свѣтомъ... Въ домѣ начались шумъ, брань, настроеніе постоянной ссоры...

Съ особеннымъ озлобленіемъ относилась она къ арабамъ, которыхъ считала народомъ низшимъ, который существуетъ на землѣ совершенно незаконно. Среди арабской прислуги дома она считала себя госпожей и на ней вымещала свою злобу противъ арабской націи. Въ первый же день пріѣзда она едва не побила горничную-арабку, Хнине, дѣвушку смирную и очень симпатичную. Разсердилась на нее Акулина по самому ничтожному поводу. Ловила Акулина бѣгавшую по кухнѣ курицу. Хнине вошла въ кухню и остановилась въ двери.

— Что же ты глаза вытаращила, дура полоротая! Лови курицу-то!—набросилась на нее Акулина.

— Шу, дижаже? *)—переспросила ее Хнине, не знавшая ни слова по-русски.

— Я вотъ тебѣ дамъ „жажа!“—закричала на дѣвушку и злобно сверкнула глазами Акулина.—Какая „жажа“, коли я тебѣ говорю „курица!“

И Акулина полѣзла на нее со своими большими кулаками. Дѣвушка испугалась, стала кричать. Прибѣжала одна изъ хозяекъ.

— Что ты дѣлаешь, Акулина, какъ тебѣ не стыдно?!

— Да вотъ, я ей, барышня, говорю—курица, а она мнѣ „жажа?“ Какая же это, барышня, „жажа?“ Вѣдь это курочка?!

*) Что, курицу?

— Да это по-ихнему, Акулина, по-арабски, курица называется дижаже.

— Какой это такой арабский языкъ? У меня языкъ красный и у ней—красный, больше ничего. А курочка такъ и будетъ курочка, а не „жажа“. И какъ это они, барышня, понимаютъ другъ друга? Удивительно! Бормочутъ что-то, а ни слова не разберешь.

Только одна судомойка Жалиле умѣла ладить съ Акулиной, и то лишь благодаря чрезмѣрной почтительности. Это была огневая дѣвочка. Она все дѣлала такъ быстро, что, казалось, въ одинъ моментъ была въ пяти мѣстахъ. Она одновременно и мела полъ, и разговаривала, и смѣялась, и грызла фисташки, и пѣла пѣсни, и гоняла кошекъ и собакъ, и бросалась по первому зову изъ одного этажа въ другой, какъ птица, какъ вѣтеръ. Говорила она такъ же быстро, какъ и работала.

Да она и не говорила, а просто гудѣла, такъ что даже понять ее было трудно. Ея смуглое лицо отражало малѣйшіе оттѣнки настроенія: горе, радость, смѣхъ, печаль, боль, удовольствіе, лукавство—все это сверкало въ ея бойкихъ, точно два маленькихъ мышенка, глазахъ. Она всюду приносила съ собой оживленіе.

И вотъ эта дѣвочка сумѣла понравиться Акулинѣ даже со своимъ арабскимъ языкомъ. Съ первыхъ же дней

появленія Акулины Жалиле поняла, откуда дуетъ вѣтеръ, и выучила по-русски у барышень слова: „Здравствуйте, Акулина“. На утро пришла Жалиле на кухню, въ Акулино царство, подошла къ Акулинѣ тихо и скромно, точно это была не шалунья Жалилька, и сказала ей, цѣлуя руку: — Здравствуйте, Акулина!

Акулина руки не отняла, покосилась, но глаза подъ ея нависшими бровями затеплились лаской.

Съ этихъ поръ Жалиле здоровалась такъ съ Акулиной каждое утро. Зато Акулина никогда ее не бранила, не била, исправно кормила, даже выказывала иногда по отношенію къ ней материнскія заботы.

Своихъ дѣтей у Акулины не было. Оттого, можетъ быть, она и была зла на весь міръ. Былъ у ней и мужъ. Но она давно съ нимъ не жила. И барышнямъ-хозяйкамъ краснорѣчиво доказывала всѣ выгоды „свободной“ жизни.

— И зачѣмъ, барышня, замужъ выходить! Одна только забота. Вонъ у меня двѣ племянницы. Одна замужемъ, — у ней нужда, дѣти. Она ни день ни ночь покою не знаетъ, по уши въ грязи съ ними возится. А другая у меня племянница не пошла замужъ, живетъ въ монастырѣ. Кроватка у ней бѣленькая, чистенькая. Ъсть она вдоволь. Игуменя ее любитъ... На скрипочкѣ она играетъ, регентшей будетъ. То ли дѣло! Такъ хорошо живетъ, не какъ сестра!

— Да вѣдь ты, Акулина, была же вотъ замужемъ.

— По глупости, матушка, все по глупости!.. Одна только забота съ мужемъ-то, матушка, одна забота. Я такъ рада, что у святыхъ мѣсть одна живу...

Всѣ торговцы въ Триполи на базарѣ, куда ходила за провизіей Акулина, боялись ея строптиваго характера и

злобнаго взгляда. Акулина кричала на весь базаръ, бранилась, бросала мяснику корзинку прямо въ лицо, разбрасывала по улицѣ плоды и овощи, а однажды, разсердившись, возвратилась домой совсѣмъ безъ провизіи.

— Я говорю ему, барышня:—Ты дай мнѣ мяса не такого, отъ ноги дай мнѣ мяса!—А онъ вытаращилъ буркалы-то и не понимаетъ... Будто я ему не русскимъ языкомъ говорю!

— Да ты бы, Акулина, показала ему, что тебѣ нужно. Вѣдь онъ не понимаетъ русскаго языка,—говорить хозяйка.

— Какъ не понимаетъ?! И какой это вы, барышня, арабскій языкъ выдумали!—вдругъ набросилась Акулина на хозяйку.—Никакого такого арабскаго языка нѣтъ. Арабскій языкъ—одна выдумка, беззаконіе. И чего это нашъ батюшка-царь смотритъ! Задала бы я имъ арабскій языкъ! У меня черезъ день они всѣ заговорили бы по-русски.

Уходя, Акулина еще долго бормотала:

— Ну, развѣ плохо—разъ, два, три?! И понятно и хорошо. А у нихъ три—телята (талятать). По-русски—мыло, а у нихъ—сапунъ (сабунать). Окаянные разбойники, арабье проклятое. Обрыдли они мнѣ, какъ собаки!

Такъ шло время. Акулина бранилась и дралась съ „арабьемъ“, выживала изъ дому сторожей и горничныхъ, только бойкую Жалильку ласкала. Барышни терпѣли злобную старуху, ибо найти хорошую кухарку, да еще русскую, въ Триполи очень трудно. Всѣ русскія старушки жмутся ближе къ святымъ мѣстамъ, чтобы смерть не застала ихъ вдали отъ Гроба Господня. Удаляться отъ Іерусалима рѣшаются весьма немногія.

Акулина ходила иногда съ барышнями на море купаться, гдѣ удивлялась „огню въ водѣ“—свѣтящимся инфу-

зоріямъ. Тамъ, на морскомъ берегу, она собирала раковины, морскія пѣнки, которыя, по ея мнѣнію, годились для чистки ножей и для настоя отъ лихорадки. Ходя по базарамъ, она удивлялась чернымъ, лоснящимся лицамъ негровъ-рабочихъ въ таможенѣ. Про нихъ она говорила: „Человѣкъ, какъ человѣкъ, а обшить чортовой кожей“. Если негръ на нее глядѣлъ, то она совала ему подъ самый носъ кулакъ и совѣтовала „почистить ваксой рожу“.

А дома бранилась и дралась съ арабской прислугой, кормила ее хуже кошекъ и собакъ, и ни за что не хотѣла сказать по-арабски ни одного слова.

Съ нѣкоторыхъ поръ по дому началъ разноситься запахъ ладана, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше. Особенно по вечерамъ Акулинина комната прямо дымилась.

— Акулина, что ты тамъ дѣлаешь?

— Ладаномъ курю. Слышишь, чай, барышня, запахъ. Чего спрашиваешь!

— Знаю, ладаномъ. Да зачѣмъ это? Что ты—чертей что ли, выгоняешь?

Акулина даже вздрогнула.

— Съ нами крестная сила! Откуда же ты знаешь то, барышня? И то его выгоняю, поганаго. Мучаетъ онъ меня, мучаетъ, покоя не даетъ. Жить бы мнѣ, жить въ Русалимѣ! Нѣтъ вотъ, погналась за лакомымъ кускомъ, поѣхала въ Триполи. Анъ врагъ-то и тутъ, какъ тутъ. Старая я кошка, дурища простоволосая.

— Ну, поди, Акулина, я тебѣ „Да воскреснетъ Богъ“ почитаю,—говорить одна изъ хозяекъ.

Но и „Да воскреснетъ Богъ“ не помогло. Акулина все дымила ладаномъ и читала по ночамъ молитвы. Днемъ

она становилась все злѣе и злѣе. Даже Жалилькѣ и той доставалось. А ужъ остальному „арабью“ и подавно.

Въ такомъ настроеніи Акулина однажды разбила торговцу объ голову арбузъ за то только, что онъ хотѣлъ его, по обыкновенію, взвѣсить.

— Что это за проклятый народъ,—ругалась Акулина дома.—И продаютъ-то не по-христіански: арбузы, дыни, огурцы вѣшаютъ, а яблоки считаютъ...

Къ довершенію всѣхъ Акулининыхъ несчастій она вдругъ заболѣла триполійской лихорадкой. Пригласили доктора, но Акулина не хотѣла съ нимъ говорить даже черезъ переводчика.

— Коли по-христіански говорить не умѣетъ, какой толкъ отъ его лѣченія!—говорила она.

Прописанныя докторомъ лѣкарства она отказалась принимать. Безъ стонувъ, молча, угрюмо лежала она въ своей комнатѣ.

Только Жалилька постоянно забѣгала къ ней и приносила съ собой задорное живое веселье. Она спрашивала Акулину о здоровьѣ, говорила ей ласковыя слова, утѣшала ее, одѣвала и прибирала. Акулина, не понимая ни слова, слѣдила за Жалилькой ласковыми глазами. А то вздумаетъ Жалиле ей пѣсню спѣть, и, несмотря на жестокую головную боль, Акулина покорно выслушиваетъ гнусливыя, однообразныя арабскіе напѣвы.

Иногда Акулина говорила:

— Совсѣмъ была бы хорошая дѣвочка, кабы христіанскимъ языкомъ говорила...

А Жалиле въ утѣшеніе Акулинѣ и новую фразу русскую выучила. Каждое утро, входя въ кухню, она спрашивала, стараясь сдѣлать серьезнымъ свое дѣтское лицо:

— Какъ здоровье, Акулина?

Но вотъ Акулина начала поправляться и понемногу ходить. Во время болѣзни она увѣрилась, что врагъ мучилъ ее, и Богъ наказалъ болѣзнию за то, что она, погнавшись за лакомымъ кускомъ, уѣхала изъ Іерусалима.

Однажды утромъ, въ четвергъ, въ день прихода изъ Россіи русскаго парохода, Акулина объявила, что уѣзжаетъ. Никто ее не удерживалъ. Изъ дому она вышла злобная, ни съ кѣмъ не простившись. Только Жалильку долго цѣловала въ кухнѣ и крестила со слезами на глазахъ. А та, по обыкновенію, поцѣловала у нея руку и сказала: „До свиданья, Акулина“.

По уходѣ Акулины изъ дому, дѣвочка около часа была молчалива и тиха, о чемъ-то думала. Потомъ вдругъ точно съ цѣпи сорвалась,—начала кувыркаться и гудѣть на оба этажа...

ВО МРАКЪ НОЧИ

Съ ранняго утра отецъ хлопоталъ на дворѣ, — густо смазалъ дегтемъ колеса, запрягъ Бураго въ телѣгу. Мать напекла лепешекъ и яицъ. Все уложили. Зажгли свѣчу передъ иконами. Сначала сѣли, по обычаю, на лавку, потомъ встали и начали молиться.

Мать кланялась и шептала молитвы. Я крестился тоже и старался угадать, какую она читаетъ молитву. Четырехлѣтняя сестра моя держала мать за подолъ, жевала лепешку и смотрѣла на меня исподлобья, не зная, плакать нужно или смѣяться. Отецъ клалъ большіе кресты медленно и думалъ о чемъ-то постороннемъ. На дворѣ пѣлъ пѣтухъ, а подъ окнами чирикали воробьи.

На душѣ у меня было смутно.

Но вотъ отецъ зачастилъ маленькими крестиками подъ бородой. Значить, молитва кончилась. Я подошелъ и поклонился матери въ ноги. Она заплакала и поцѣловала

меня, но отъ слезъ не могла ничего говорить. Съ отцомъ проститься нужно было также дома. Я и ему поклонился въ ноги. Онъ тоже заплакалъ, но счелъ долгомъ сказать наставленіе:

— Учись, Бога не забывай, утромъ и вечеромъ молись, отца, мать почитай, старшихъ слушайся!

Я поцѣловалъ и сестренку. Чувствуя, что творится нѣчто необычное, она заплакала. Непрожеванный кусокъ лепешки вывалился у ней изо рта на полъ. Мать подняла крошку хлѣба съ полу, перекрестилась и поцѣловала ее, дѣвочкѣ утерла носъ и взяла ее на руки.

— Скорѣе,—торопилъ отецъ, а то колеса отекутъ.

Всѣ мы вышли на дворъ. Пѣтухъ успѣлъ уже проклевывать въ возу дыру и лакомился пшеницей. Въ углу подъ заборомъ тоскливо вздыхалъ поросенокъ. Голуби ворковали на крышѣ. Пахло дымомъ отъ печей. Утро вставало ясное, тихое, теплое.

Только садясь на возъ, я почувствовалъ, что покидаю много милаго, дорогого и ѣду въ неизвѣстный, чуждый міръ. И заплакалъ горько, неудержимо. У меня сразу носъ наполнился слезами, горло сдавило и слезы потекли по щекамъ въ три ручья.

— Ладно, не на смерть ѣдешь,—сказалъ отецъ, открывая ворота.—Ну, съ Богомъ!

Вспрыгнувъ на наклеску телѣги, дернулъ вожжами. Колеса зачмокали отъ дегтя и покатались.

Было начало августа,—лучшее время года въ средней Россіи. Природа отдала всѣ свои плодотворныя силы, выколосила хлѣба, зарумянила яблоки, вишни, груши: вскормила и вспоила всякую мелкую и крупную птаху, телятъ,

поросять, жеребять; прошла съ благотворными грозами и дождями, а теперь послѣ трудовъ собралась и сама немного отдохнуть, понѣжиться передъ холодной осенью: „дѣлайте, молъ, вы всѣ, твари мои милыя, что хотите, а я посмотрю на васъ, люблюсь“.

Улыбается и смотритъ. Всѣмъ любо и хорошо. Лѣса смѣются. По полямъ, между скирдами, носятся черные жирные грачи, смотрять на человѣка нахально, какъ и всѣ дармоѣды. Коршунъ летаетъ въ блѣдно-синей высотѣ, распластался и нѣжится тамъ, не двигая крыльями. На землю онъ и не смотритъ, потому что сытъ по горло. Суслики около норъ возятся цѣлыми десятками: и они дождались своего семейнаго счастья. Только люди день и ночь работаютъ на поляхъ и гумнахъ.

Ѣдемъ мы шагомъ. Пятнадцать пудовъ пшеницы, да насъ двое — цѣлый возъ. Навстрѣчу попадаются возы съ желтой пшеницей и бѣлымъ серебристымъ овсомъ. Проѣдемъ одни возы, — вдали виднѣется новый поѣздъ. Рыдваны скрипятъ, какъ стариковскія кости передъ ненастьемъ.

Потянулся длинный томительный день. Пыльная дорога, перелѣски, скирды и копны сѣна, грачи и рѣдкіе проѣзжіе. Отецъ или разсуждаетъ самъ съ собой или спитъ. Во снѣ ротъ у него раскрытъ, а мухи гудятъ во рту, какъ въ пустомъ горшкѣ. Когда кто-нибудь встрѣтится по дорогѣ, отецъ вскочитъ, зачмокаетъ, задергаетъ вожжами и своротитъ Бураго вправо, выплевывая не успѣвшихъ вылетѣть изо рта мухъ.

Къ вечеру кормили Бураго въ большомъ селѣ и ночью опять тронулись въ путь.

Люблю я проѣзжать ночью лѣтомъ по селу. Тихо. Въ домахъ спятъ сотни, тысячи усталыхъ, изломанныхъ непосильными трудами людей. Сонъ — ихъ единственная и лучшая награда за горе, слезы, обиды и болѣзни тяжелой жизни. Чувствуешь, что здѣсь въ эти часы совершается что-то таинственное, важное. Невольно понижаешь голосъ, ибо дома смотрятъ предупреждающими, темными, тяжелыми взглядами. Такъ смотреть на шумливаго гостя старуха-нянька, только что закачавшая больного ребенка. Дремлютъ передъ окнами тяжелые рыдваны, разбросавъ по землѣ свои оглобли-ноги; привалилась къ углу дома и спитъ бочка съ водой; покачнулась на сторону и дремлетъ дырявая погребница. Даже пыльная дорога спитъ: пыль лѣниво клубится изъ-подъ колесъ и выбираетъ мѣсто, гдѣ бы снова прилечь поплотнѣе къ дорогѣ.

Но вотъ съ истеричнымъ лаемъ подкатилась къ колесамъ мохнатая Жучка; она лаетъ и чихаетъ спросонья. Въ разныхъ концахъ села отвѣчаютъ десятки, сотни другихъ собакъ. Дескать, не робѣй, кусай его, коли нужно, а мы поможемъ.

И невольно гонишь поскорѣе лошадь. Скорѣе бы выѣхать, а то нарушишь святое, важное дѣло деревенскаго сна.

Село большое, длинное. Долго ѣхали по улицамъ, по гумнамъ, по выгону. Наконецъ выѣхали на широкую большую дорогу. Ночь прохладная, тихая, темная. Звѣзды горятъ въ небѣ, но не освѣщаютъ земли. Кругомъ ровное поле; взглядъ тонетъ во мракѣ. Кое-гдѣ вспыхиваютъ какіе-то огоньки и быстро гаснутъ, точно искры. Отецъ говоритъ, что это свѣтятъ волчьи глаза. Какъ змѣи, вьются въ ковылѣ пыльные ровныя колеи. Сколько

ихъ? Четыре, шесть, десять... безъ конца. Большая дорога въ три версты шириной. Въ старину тутъ ежедневно тянулись изъ внутреннихъ губерній въ Заволжье и обратно безконечные обозы съ хлѣбомъ, рыбой и всякими товарами. Сюда выходили на промыселъ разные лихіе люди съ дубинкой, съ топоромъ, а то и просто съ кулакомъ... Много могли бы поразсказать объ этомъ безконечныя колеи. Но онѣ пугливо спрятались въ ковылѣ и ужъ почти сравнялись съ землей.

Меня клонилъ сонъ, и я заснулъ. Спалъ, кажется, недолго и проснулся отъ тяжелаго чувства. Рядомъ съ телѣгой идетъ отецъ и шопотомъ говоритъ:

— Не спи, сынокъ! Какой-то человекъ съ нами идетъ. Кто его знаетъ, что онъ въ мысляхъ держитъ.

И отошелъ назадъ. Тамъ за телѣгой онъ идетъ съ кѣмъ-то другимъ. Этотъ другой — высокій, широкоплечій, съ палкой въ рукѣ. Говоритъ, что идетъ въ монастырь, но будто не все договариваетъ. Откуда онъ появился, — Богъ знаетъ. Пришелъ откуда-то со стороны, изъ мрака ночи, и навязался къ намъ. Отецъ идетъ съ нимъ рядомъ, но часто подходитъ ко мнѣ, подоткнетъ со всѣхъ сторонъ въ телѣгѣ сѣно, пологъ, пощупаетъ, не сплю ли я, шепнетъ:

— Боюсь я этого странника. Видимо, лихой человекъ. Молись, сынокъ, читай: „Живый въ помощи...“

И опять поидетъ къ страннику, слѣдитъ за нимъ, чтобы онъ не напалъ на насъ внезапно.

Я читалъ псаломъ „Живый въ помощи...“ Телѣга, поскрипывая, катилась по гладкимъ колеямъ. Я вслушивался въ тишину ночи. Тамъ изрѣдка рождались звуки, зарождались и умирали. Время тянулось долго, томительно.

„Не убоишися отъ страха нощного“, читалъ я. Но въ окружающей темнотѣ и тишинѣ было угрожающее, враждебное... Кто ходитъ ночью? Злые люди, злая сила. А мы такіе слабые, боязливые; насъ всякій можетъ обидѣть.

„Падеть отъ страны твоя тысяща и тма одесную тебѣ, къ тебѣ же не приблизится“ — читалъ я дальше. Но мнѣ становилось отъ этихъ словъ еще страшнѣе. Казалось, темныя силы ночи неслышно рѣютъ вокругъ, готовы напасть на слабого человѣка. Начальство мрака грозно окружило насъ со всѣхъ сторонъ, неумолимое, враждебное.

— Ну, какъ странникъ ударить отца по головѣ палкой, — думалъ я, — и убьетъ, а меня задушитъ; сядетъ въ телѣгу и поѣдетъ на Буромъ, куда захочетъ?

И я напряженно вслушивался въ тишину ночи и всматривался въ темноту. Иногда отецъ со странникомъ отставали далеко. Мнѣ казалось, что странникъ уже убилъ отца. Въ ужасѣ я останавливалъ Бураго и болѣзненно вслушивался, вслушивался. Нѣтъ, идутъ, разговариваютъ. У меня отлегалось отъ сердца.

Подходить отецъ.

— Боюсь я этого странника. Ну, какъ лихой человѣкъ. А можетъ, и не простой даже человѣкъ. Читай, сынокъ, „Да воскреснетъ Богъ...“

Я читалъ: „Да воскреснетъ Богъ“, „Отче нашъ“ и всѣ молитвы и псалмы, какими научили меня бороться противъ всѣхъ жизненныхъ напастей. Ночь была длинная, мучительная. Поскрипывала телѣга. Тишина рѣзала мой жадный, обостренный слухъ. Темнота утомляла напряженное отъ страха зрѣніе...

Наконецъ заалѣлъ востокъ. Даль прояснилась. Засвѣтились на небѣ облака, замигали сонными глазами звѣзды. Упала роса. Вмѣстѣ съ мракомъ начали исчезать и наши страхи.

Стало уже настолькоъ свѣтло, что я вижу странника. Это—русый мужикъ съ широкой бородой, добродушнымъ лицомъ и толстымъ носомъ. Одежда на немъ обвисла отъ росы, трепаная шапка прилегла къ волосамъ, холщевый мѣшокъ за спиной намокъ и потемнѣлъ. Онъ поглядѣлъ на востокъ, снялъ мокрую шапку, переложилъ палку изъ правой въ лѣвую руку, истово перекрестился и произнесъ нараспѣвъ:

— Слава Тебѣ, показавшему намъ свѣтъ.

Перекрестился и отецъ. Наши страхи совсѣмъ исчезли.

— Поди, сыро тебѣ, малецъ?—обратился странникъ ко мнѣ.—Слѣзь-ка, побѣжи. Слава Богу, день насталь.

И улыбнулся широко во весь ротъ. Сразу стало видно, что это простой человѣкъ и совсѣмъ не лихой.

Взошло солнце. Мы шли вмѣстѣ еще больше часу. Наконецъ намъ нужно сворачивать вправо, а страннику—прямо.

— Прощайте, други, Богъ съ вами! — сказалъ странникъ.

— Прощай.

— А скажи,—полюбопытствовалъ странникъ,—боялся ты меня?

— Боялся, — сказалъ отецъ: думалъ, лихой ты человекъ.

— И я тебя боялся,— сказалъ странникъ. — И все это отъ страха ночнаго. То - ли дѣло солнышко. Ну, съ Богомъ.

И странникъ зашагалъ по заростающей колеѣ въ синюю даль большой степной дороги. Издали донеслось его пѣніе:

— „Во всякъ день благословлю Тя и восхваляю-у...“

СКАЗКА ПРО НОВУЮ ВОРОНУ

Стоитъ на рѣкѣ Волгѣ село Обваловка. Около Обваловки лѣсъ большой, старинный.

А въ лѣсу жила ворона.

Ворона, съ виду, самая обыкновенная, какъ и всѣ прочія вороны: въ сѣромъ жилетѣ, въ темной юбкѣ, въ темномъ платкѣ. Глаза круглые, черные; носъ толстый.

Ну, и голосъ былъ у ней вороній. Каркнетъ:

— Гр-р-рабятъ!

Жила она на одномъ сучкѣ, въ дѣдовскомъ гнѣздѣ, можетъ, ужъ лѣтъ тридцать. Вороняты выводила, по деревнѣ летала, пищи искала.

Плохо кормилась.

Мимо Обваловки по рѣкѣ пароходы ходятъ. За пароходами чайки - величайки летаютъ, что съ парохода упадетъ—подбираютъ.

Передъ вороной величаются.

Ворона на сучкѣ надъ водой сидитъ, а чайки на воду передъ вороной садутъ, красотой своей величаются. И такъ и эдакъ вертятся.

Говорятъ:

— Смотри, ворона, какія мы чистенькія да красивыя! Платья на насъ бѣленькія, ножки у насъ красненькія! А у тебя одна жилетка бѣлая была, и ту затаסקала: сѣрая стала.

— Мы за пароходами летаемъ, всякія сладости подбираемъ, въ водѣ купаемся, каждый день умываемся. Оттого и чистыя. Потому и гладкія.

— А ты въ помойныхъ ямахъ копаешься, въ грязи живешь. Тебя всѣ гонять да бьютъ.

— А насъ зовутъ и ждуть.

— На палубѣ чистенькія дѣти ходятъ, намъ калачики носятъ, по кусочку бросаютъ, а мы подбираемъ.

— Хорошо живемъ.

Сидитъ ворона на сучкѣ.

Молчитъ.

Задумалась наша ворона. Даже голова разболѣлась и носъ отъ раздумья горячій сталъ.

Трудно было воронѣ.

Дѣды и прадѣды около Обваловки жили, по задворкамъ кормились, кромѣ своей деревни нигдѣ не бывали. На одномъ сучкѣ жили, вороняты плодили.

Здѣсь и подошли.

Какъ же нашей воронѣ не по-дѣдовски жить?

Засмѣются!

Заклюютъ!

Страшно...

А была наша ворона умная. И говоритъ сама въ своемъ умѣ:

— Дай и я за пароходомъ полетаю, своего счастья испытаю. Пусть смѣются, пусть бранятся.

— Насмѣются и устанутъ.

— Побранятся—перестанутъ.

— А я попробую.

Видитъ—идетъ пароходъ.

И полетѣла за пароходомъ.

А чайки-величайки надъ ней смѣются.

— Зачѣмъ ты, ворона, прилетѣла?

— Отчего на своемъ сучкѣ не сидѣла?

— Потонешь!

Ворона молчитъ, за пароходомъ летитъ, въ воду смотритъ.

Увидала что-то въ водѣ, кинулась. Крылья намочила, чуть не потонула. Носомъ ухватила, вытащила.

Смотритъ—пробка!..

А чайки хохочутъ. Даже въ воду со смѣху попадали. На волнахъ качаются, передъ вороной величаются.

Дразнить.

Назадъ полетѣла ворона.

Когда противъ вѣтра летѣла — была ничего себѣ, ворона, какъ всякая ворона. А полетѣла по вѣтру—вѣтромъ перья всѣ на ней приподняло,—помеломъ стала ворона.

А чайки гладенькія, чистенькія вокругъ вороны летаютъ, отъ смѣху помираютъ.

Даже заплакала ворона отъ стыда и досады.

На гнѣздо прилетѣла, цѣлую ночь проплакала.

Объ сучокъ слезы вытирала.

Думала.

Сама съ собой разсуждала.

— Ну, что-жъ! Всякое дѣло умѣнья требуетъ. Научусь, буду и я не хуже чаекъ за пароходами летать, въ водѣ сладости подбирать. Никто въ одинъ день мастеромъ не сдѣлался.

Еще попробую.

На другой день, какъ только завидѣла ворона пароходъ, опять за нимъ полетѣла.

Палуба бѣлая, чистая. На палубѣ господа гуляютъ, чай, кофей попиваютъ. Нарядныя дѣти бѣгаютъ. Играютъ.

Стоить у периль дѣвочка, булочку ломаетъ, чайкамъ по кусочку бросаетъ. Чайки хватаютъ да глотаютъ, даже до воды не допускаютъ.

Съ лету берутъ.

Ворона шастъ туда же. Близко подлетѣла, да какъ крикнетъ по старой привычкѣ:

— Гр-р-рабятъ!

Это ужъ, извините, такая у вороны поговорка, — къ дѣлу и не къ дѣлу „грабятъ“ кричатъ.

Дѣвочка отъ удивленья всю булку изъ рукъ выронила.

А ворона тутъ, какъ тутъ. Носъ свой, какъ желѣзныя клещи, раскрыла, булку подхватила, да къ себѣ на сучокъ и полетѣла.

Чайки ужъ не смѣются.

Разсердились.

— Вишь, говорятъ, ворона, такъ и есть ворона, мужицкая лапа. Цѣлую булку ухватила.

— Проклятущая!

Погнались было за ней чайки. Наперерѣзъ залетали. „Брось!“ кричали.

Да гдѣ тутъ, не вырвешь.

Унесла.

На сучкѣ своемъ и съѣла.

Сама себя не узнала ворона, когда булки наѣлась.

Никогда она такой пици не пробовала. Легкость такую въ себѣ почувствовала, что, кажись, подъ небеса бы взлетѣла.

Даже сонъ ей особенный этой ночью приснился. Будто дерево стоитъ, дубъ старинный. А на немъ булки растутъ.

Мно-о-о-ожество!

Обрадовалась во снѣ ворона. Да только отъ этого пользы никакой не вышло. Во снѣ порадуешься много, а не поѣшь ничего. Все голодный проснешься.

На другой день опять ворона за пароходами полетѣла.

И стала съ тѣхъ поръ наша ворона за пароходами летать, себѣ пропитанье по-новому добывать.

Надъ вороной смѣялись.

Ворону ругали.

— Ты, говорятъ, ворона, не по-вороньему живешь. Это чайки-величайки за пароходами летаютъ, съ барскаго

стола кусочки подбираютъ. А мы — вороны, мужицкія птицы. Испоконъ вѣковъ въ Обваловкѣ жили, горе и радость съ мужиками дѣлили.

— А ты куда полѣзла?

— Умиѣе дѣдовъ хочешь быть?

— По-новому думаешь жить?

— Да мы тебя заключаемъ!

— Да мы знаться съ тобой не станемъ!..

Только поговорили, а не заклевали.

Погалдѣли, посмотрѣли, да и сами начали за пароходами летать.

Когда по Волгѣ на пароходѣ поѣдете, такъ и увидите. Летятъ за пароходомъ бѣлыя чайки, а между ними одна или двѣ вороны.

И полеть, и голосъ, и одежда, и всѣ повадки — все старое, воронье. Только по-новому жить стали.

Изъ Обваловки улетѣли. Живутъ ужъ, гдѣ Богъ приведетъ: сегодня здѣсь, а завтра тамъ ночуютъ.

Конечно, не всѣ вороны жизнь свою перемѣнили. Сразу это не дѣлается.

Однако, многія ужъ теперь за пароходами летаютъ.

узналъ, узналъ!

— Великій Боже! Какъ хорошо теперь дома!— думалъ отецъ Рашида, возвращаясь съ мельницы домой на своемъ ослѣ.

Уѣхалъ онъ еще съ утра къ рѣкѣ Лейтаніи, которая протекаетъ около Ливана. Тамъ провелъ онъ почти цѣлый день, исполнилъ возложенное на него женой порученіе — смололъ мѣшокъ муки—и только теперь вечеромъ, съ поспѣшностью Ноева ворона, возвращался въ свою Рашею, къ снѣжному Гермону.

— Какъ хорошо быть теперь въ своемъ домѣ, сидѣть около жаровни, поѣсть, выпить чашку кофе, выкурить кальянъ и уснуть...

Но до Рашеи еще далеко. По горамъ безъ дорогъ ходятъ тучи, заглядываютъ и опускаются во всѣ долины, точно ищутъ тамъ потерянное счастье. Вѣтеръ мечется въ ущельяхъ и сѣчетъ отца Рашида по голымъ ногамъ дождемъ, какъ сердитый турецкій чиновникъ за неуплату податей. Начинаетъ темнѣть. Какъ ни хорошо дома, но

сегодня до Рашеи отцу Рашида, очевидно, не добратся, Осель усталъ, да и самъ онъ чувствуетъ, какъ холодъ, точно назойливый гость, пробирается во всѣ углы его дыряваго абаи.

— Заночую я въ Баккифе. Это недалеко. А завтра утромъ буду въ Рашеѣ, — рѣшилъ отецъ Рашида и погрузился снова въ свои думы.

Сидя на мѣшкѣ муки, положенномъ черезъ спину осла, онъ клевалъ носомъ и думалъ...

О чемъ онъ въ это время думалъ? Этого не разгадалъ бы самый великій арабскій мудрецъ. Мысли бродили въ его головѣ, точно слѣпые нищѣ въ селѣ, когда они останавливаются передъ каждою дверью и просятъ милостыню... А на лицѣ отца Рашида прочитатъ что-нибудь было такъ же трудно, какъ разобрать надписи на ассирійской гробницѣ...

Что касается дороги въ Баккифе, то отецъ Рашида вполне былъ увѣренъ, что его осель думаетъ одинаковую съ нимъ думу и даже больше его самого желаетъ заночевать гдѣ-нибудь поближе. Вѣдь у осла дома въ Рашеѣ нѣтъ ни жены, ни дочери, ни сыновей. Отецъ Рашида такъ сжился съ своимъ осломъ, что понималъ всѣ его желанія. Какъ же было и ослу не понимать желаній отца Рашида, когда они столько лѣтъ прожили вмѣстѣ? У нихъ даже настроенія были одинаковы. Теперь, на примѣръ, осель, какъ и отецъ Рашида, чувствуетъ на сердцѣ нѣкоторую тоску и грустно помахиваетъ мокрыми ушами.

Такъ ѣхали они долго. Тучи свивались и развивались надъ ними, опускаая полы своихъ одеждъ въ долины и окутывая ими отца Рашида вмѣстѣ съ его осломъ.

Отъ неба къ землѣ тянулись длинныя бѣлыя нити, точно на станкѣ у дамасскаго ткача, — чистыя и прямыя бѣлыя нити дождя. Становилось холоднѣе и холоднѣе. Въ декабрѣ сирійскія горы смотрятъ очень невесело. Куда это солнце дѣвалось, куда ушло? Неужели когда-нибудь оно снова засвѣтитъ ласково надъ горами, все пригрѣетъ и оживитъ?.. А теперь кругомъ все такъ сѣро, такъ печально. Камни плачутъ холодными слезами и утираются бѣлымъ туманомъ. О чемъ они плачутъ? Можетъ-быть, о горячемъ лѣтѣ, о теплой зеленой веснѣ?

Путники ѣхали такъ очень долго. Отецъ Рашида думалъ свое, оселъ свое. Отецъ Рашида сидѣлъ на ослѣ, а оселъ шелъ и шелъ.

Наконецъ онъ остановился. Отецъ Рашида поднялъ голову и увидѣлъ, что передъ нимъ стоитъ какой-то домъ. Было почти темно. Шелъ мелкій снѣгъ, одѣвая бѣлой пеленой плоскія крыши домовъ и сѣрые камни.

— Слава и благодареніе Господу живыхъ! — сказалъ отецъ Рашида. — Приѣхали на ночлегъ въ Баккифе. А завтра будемъ въ Рашеѣ...

Оселъ посмотрѣлъ на хозяина съ удивленіемъ, и принялся за подставленную ему въ мѣшкѣ мякину. Отецъ Рашида снялъ съ осла муку, положилъ ее на сухое мѣсто, отыскалъ узелокъ съ лепешками и пошелъ въ домъ. На порогѣ онъ встрѣтилъ женщину, по всей видимости, хозяйку, ибо она по неосторожности выплеснула ему на бороду помой. Изругавъ ее въ сердцѣ за оскорбленіе своей бороды, отецъ Рашида, однако, гнѣва не обнаружилъ, а смиренно ее привѣтствовалъ:

— Да будетъ счастлива для тебя эта ночь, госпожа моя! Позволь намъ съ осломъ переночевать у тебя сегодня.

Хозяйка сказала только „входи“! — и вышла изъ дому.

Когда она проходила мимо отца Рашида, ему показалось, что женщина эта очень походить на его жену. Подивившись такому сходству, онъ развязалъ лепешки, сѣлъ у двери и принялся за сухой ужинъ.

Прибѣжали дѣти. Возвратилась и хозяйка. Взяла она большой мѣдный кругъ, поставила его среди комнаты на камень, а на него наложила лепешекъ, сыру, маслинъ и зажгла свѣтильникъ. Около круга разсѣлись дѣти ужинать. Отецъ Рашида удивлялся все больше и больше.

— И дѣти — точь въ точь мои дѣти, — думалъ онъ. — Вотъ старшій, какъ мой Рашидъ, второй, какъ мой Фарисъ, третій, какъ мой Нажибъ. Да и дѣвочка такъ похожа на мою Фадуга! Великъ Богъ! Нѣтъ ни жизни, ни силы безъ великаго Бога! Недостаетъ только, чтобы мужъ этой женщины походилъ на меня такъ же, какъ его жена походить на мою жену и его дѣти — на моихъ дѣтей. Но, должно-быть, бѣдная женщина — вдова, — рѣшилъ отецъ Рашида и снова сталъ думать.

— Можетъ-быть, у нея найдется такой же осель, какъ у меня?

При этомъ отецъ Рашида размѣялся, т.-е. наморщилъ лобъ и скривилъ ротъ, точно заплакать собирался. Люди еще могли походить другъ на друга, но ослы — никогда. Этому отцу Рашида встрѣчать не доводилось совсѣмъ. Каждый осель чѣмъ-нибудь да отличался отъ другого осла, хотя бы и своего брата.

Наконецъ хозяйка сказала:

— Что же ты, отецъ Рашида, не садишься ужинать съ дѣтьми? Что сидишь у двери?

— И мое имя знаетъ эта женщина, — подумалъ отецъ Рашида и вслухъ сказалъ:

— Да увеличитъ Богъ твое добро, госпожа моя! Я поужиналъ. Теперь бы мнѣ уснуть.

Женщина промолчала, только покосилась на отца Рашида.

Дѣти поужинали. Отецъ Рашида сходилъ посмотрѣть своего осла. Хозяйка постлала постель и уложила съ краю дѣтей. Отецъ Рашида вошелъ и началъ прилаживаться на ночлегъ у двери.

— Ложись сюда спать, отецъ Рашида! — сказала хозяйка. — Зачѣмъ ты хочешь спать у двери?

— Прошу у Бога прощенія, госпожа моя! Я лягу у двери.

— Должно-быть, очень озябъ отецъ Рашида, точно совсѣмъ съ ума сошелъ, — подумала хозяйка и легла спать.

На утро погода прояснилась. Лишь только солнце освѣтило бѣлую голову стараго Гермона, а голубой сумракъ ночи попрятался въ его морщинахъ, отецъ Рашида уже проснулся и вышелъ изъ комнаты. Онъ навалилъ на спину осла мѣшокъ съ мукой, отточилъ поострѣе деревянный гвоздь, которымъ щекоталъ осла подъ хвостомъ, чтобы тотъ лучше бѣжалъ, почесалъ себѣ покрѣпче спину, подтянулъ въ дорогу поясомъ животъ и хотѣлъ уже выѣхать со двора, какъ вдругъ вышла хозяйка.

Отецъ Рашида къ ней.

— Да увеличитъ Богъ твое добро, госпожа моя! Да дастъ тебѣ долгую жизнь! Пусть Богъ хранитъ тебѣ твоихъ дѣтей и твоихъ родныхъ за твою щедрость. Мы съ

осломъ отдохнули у тебя, какъ въ раю. Теперь, съ твоего позволенія, мы поѣдемъ въ Рашею...

Но не успѣлъ отецъ Рашида что-нибудь сообразить и сдѣлать, какъ женщина эта начала о чемъ-то плакать, кричать и, наконецъ, убѣжала со двора. Отецъ Рашида слышалъ только, что она твердила:

— О, Боже, мой мужъ! О, Боже, что съ нимъ случилось!...

— Должно-быть, вспомнила объ умершемъ мужѣ бѣдная женщина, — подумалъ отецъ Рашида и хотѣлъ было уже обратиться поскорѣе со двора...

Но не успѣлъ онъ сѣсть на осла, какъ хозяйка возвратилась въ сопровожденіи нѣсколькихъ женщинъ и одного мужика. Всѣ окружили отца Рашида и его осла, начали кричать и махать руками. Отецъ Рашида сидѣлъ на ослѣ и ничего не понималъ. Онъ слышалъ только, какъ визжала и била себя въ грудь женщина, похожая на его жену. И голосъ у нея былъ очень похожъ на голосъ его жены; такой же тонкій и высокій, выше самаго высокаго дамасскаго минарета... Его жена точь въ точь такъ же кричала и плакала, когда у нихъ умирали дѣти. А у нихъ померло нѣсколько дѣтей. Отецъ Рашида не зналъ, сколько именно, ибо счета имъ не вель, но все же ему было ихъ жалко. Онъ хотѣлъ было задуматься и погрузить объ умершихъ дѣтяхъ, какъ почти подъ самымъ своимъ ухомъ услышалъ голосъ одной изъ женщинъ:

— Ты съ ума сошелъ, ты одурѣлъ. О, Господи! Ты не узнаешь своего дома, своей жены, своихъ дѣтей? Должно-быть, шайтанъ говорилъ съ тобой на мельницѣ!..

Но мужикъ отнесся къ дѣлу гораздо проще. Онъ подошелъ къ отцу Рашида поближе и спросилъ:

— Ты что, мой господинъ? Смѣешься надъ женой, или пьянъ? Пришелъ въ свой домъ, въ Рапею, а говоришь, что спишь въ Баккифе...

Сказавъ это, онъ ударилъ отца Рашида по уху. Отецъ Рашида свалился съ осла на землю, потомъ медленно поднялся, отряхнулъ штаны и феску, потрогалъ ушибленное мѣсто и спросилъ:

— За что ты бьешь меня?

— Ты еще не понялъ? Да вѣдь домъ-то это твой, жена твоя, дѣти твои! Не видишь?!..

И онъ снова хотѣлъ ударить отца Рашида.

— О, Боже! — воскликнулъ отецъ Рашида, — узналъ, узналъ!.. Не дерись! Говорю тебѣ, всѣхъ узналъ... Я еще вчера и жену, и дѣтей узналъ, только не вѣрилось мнѣ, — думалъ, что въ Баккифе пріѣхалъ.

— Узналъ!—радостно воскликнули женщины. — Слава Богу, мать Рашида! Твой мужъ узналъ тебя!

И всѣ начали понемногу расходиться. Отецъ Рашида поставилъ осла обратно въ хлѣвъ, снялъ съ него мѣшокъ и внесъ въ избу. Тамъ онъ снова оглядѣлся кругомъ.

Долго онъ стоялъ, все осматривая, и сказалъ:

— Великъ Богъ. Правда, мой домъ, моя жена, мои дѣти!.. Нѣтъ ни силы ни жизни безъ великаго Бога!..

Меркнетъ лѣтній день.

Изъ поля въ открытое окно дѣдушкина кабинета ровнымъ потокомъ льется воздухъ, напоенный хмельными запахами раскаленной земли и увядающихъ отъ зноя травъ. Дѣдушка лежитъ на кожаномъ, просиженномъ въ трехъ мѣстахъ ямами диванѣ, дремлетъ. Онъ только что пріѣхалъ съ поля, ждетъ ужина,—да и спать бы. Усталъ отъ солнца у горячаго іюльскаго вѣтра.

На дворѣ гомонятъ рабочіе. Пыхтятъ тяжелыя коровы, блеютъ овцы. По дому бѣгаютъ, хлопаютъ дверями. Кто-то кричитъ звонкимъ и веселымъ голосомъ:

— Марѳушка-а! А, Марѳушка!

Голосъ-то знакомый, но въ дремотѣ никакъ не припомнить, кто именно кричитъ. Отъ этого голоса дѣдушка засмѣялся короткимъ смѣшкомъ. Радостный голосъ.

И весь домъ, и дворъ, и звонкое поле въ полуснѣ кажутся дѣдушкѣ давно знакомымъ, мелодичнымъ ящич-

комъ съ музыкой. Не домъ, не дворъ, не поле, а маленькій баульчикъ. Стоитъ баульчикъ на столикѣ около головы и наигрываетъ знакомую и нѣжную пѣсню. Ужъ скоро шестьдесятъ лѣтъ, какъ слышитъ онъ эту пѣсню... Жена умерла. Сына на войнѣ убили. Дочь, Надя, замужъ вышла, за профессора. По лѣтамъ пріѣзжаетъ къ отцу въ имѣніе съ мужемъ и сыномъ Микой... Разсыпалась семья, а баульчикъ про всѣхъ играетъ, будто и не умирали и не уходили. И что самое главное—играетъ нѣжно и радостно, какъ бывало въ лучшіе дни жизни. Все дурное, тревожное, мучительное баульчикъ забылъ, не вспоминаетъ...

— Слава! Богу, все слава Богу!—думаетъ дѣдушка, чувствуя, какъ въ окно вѣетъ на лицо холодѣющимъ воздухомъ.

Топаютъ маленькія ноги. „Это Мика бѣжитъ“,—думаетъ въ полуснѣ дѣдушка. И на минуту забываетъ о внукѣ. А въ эту-то маленькую минуту Мика уже очутился около дивана. Приплясываетъ на одной ногѣ, поетъ:

Шель музы-ыкъ чилезъ мость,
 На мосту воло-она!
 Взялъ музыкъ ёё за хвостъ,
 Блосиль онъ ёё подъ мость,—
 Пусть волона мо-окнетъ!..

— Гдѣ же это ты, Мика, выучился?—спрашиваетъ, просыпаясь, дѣдъ.

Мика возбужденно дышитъ. На дѣдушкинъ вопросъ не отвѣчаетъ. Ненужный вопросъ.

— Ищо не вся, дѣдушка! Дальше есть!..

— Ну, дальше пой,—соглашается дѣдушка.

Мика опять затопалъ въ тактъ ногой, запѣлъ, захлебываясь и повизгивая отъ нервной радости:

Шель музы-ыкъ чилезъ мость.
 Подъ мостомъ воло-она!
 Взялъ музыкъ ёё за хвостъ,
 Посадилъ ёё на мость,—
 Пусть волона со-охнетъ!..

И, задыхаясь отъ усталости и веселья, уткнулся въ рассыпчатую дѣдушкину бороду.

— Дѣ-эдушка. Ласказы сказку!

А самъ свернулся сурочкомъ, укладывается подъ дѣдушкинъ бокъ. Микѣ четыре года. Онъ любитъ дѣдушкинъ запахъ, рассыпчатую бороду и уютную подмышку.

— Ну, ласказывай-за!

— Какую же, Мика, сказку? Я тебѣ, братъ, еще въ прошломъ году всѣ сказки разсказалъ.

— Не мозеть-быть!—дѣловито, по-отцовски, говоритъ Мика.—А ты плидумай!..

— Расскажи тебѣ сказку, а ты опять не будешь спать. Мама на насъ съ тобой и разсердится...

— Нѣ-эть! Я усну, дѣдушка!.. Вотъ такъ!—убѣдительно говоритъ Мика, чувствуя, что дѣдушка сдается.— Гляди, глаза вотъ такъ закрою... Кѣ-эпко!.. Ну, хѣть пальцемъ погляди!..

Мика беретъ дѣдушкину руку и подноситъ ее къ плотно сжатымъ глазамъ. Это называется—поглядѣть пальцемъ.

— Да, вѣдь, не припомню сказки-то,—говоритъ дѣдушка, борясь съ дремотой.— Развѣ про ворону разсказать?

— Ну, инъ, пло волону,—соглашается Мика, укладываюсь уютнѣе, чтобы слушать.

— А про ворону, такъ слушай. Пошелъ нашъ мужикъ, Яковъ, въ городъ. Кучерь Яковъ! Ты знаешь Якова?

— Да знаю, дѣдушка! Дальше.

— Ну вотъ, пошелъ нашъ Яковъ въ Самару. Идетъ онъ, братецъ ты мой, Мика, черезъ мостъ, а на мосту ворона сидитъ. Ротъ разинула, перья растопырила, глаза закрыла. Жа-арко воронъ. Увидаль ее Яковъ: „Тпру, говоритъ, ворона сидитъ!“ Поглядѣль это онъ на ворону и думаетъ: „А, вѣдь, жарко воронъ-то! Надо, говоритъ, ворону помочить. А сама она, глупая и не догадается!..“ Извѣстное дѣло,—ворона и есть ворона. Большого ума съ нея требовать не приходится... Это Яковъ правильно сказалъ... Жальливый онъ, Яковъ-то... Ты знаешь Якова, Мика?

— Да знаю-за, дѣдушка! Ты пло волону говори!

— Ну вотъ, Яковъ-то взялъ ее, да и положилъ подъ мостъ, въ воду. И стала, братецъ ты мой, съ тѣхъ поръ ворона мокнуть... А Яковъ въ городъ пошелъ, сапоги себѣ покупать, махорки... ситцу женѣ на платье!..

Дѣдъ слегка забывается. Въ комнатѣ темнѣетъ. Мика заинтересованъ.

— Дѣдушка, не спи... Волона-та потонетъ! Дальше что?

— А?! Дальше-то? А дальше, Мика, извѣстное дѣло, мокнетъ ворона! Годъ, братецъ ты мой, мокнетъ, два—мокетъ и три года мокнетъ. Спонадобилось Якову опять въ городъ итти. Идетъ онъ черезъ мостъ, видитъ,—мокетъ ворона. „Ахъ ты, говоритъ, грѣхъ какой! Вѣдь, я и

забылъ про ворону! Мокнетъ ворона-то! Надо, говорить, ворону вынуть, да на солнышкѣ посушить. Потому—сама-то она не догадается, глупая... Ворона!..“

— Да-альше, дѣдушка!

— Ага! Дальше? Дальше-то, извѣстное дѣло, вынулъ Яковъ ворону. Совсѣмъ вымокла ворона. Даже перья у ней повылѣзли. Склизкая стала, какъ рыба. Онъ ее схватить, а она и выскользнетъ изъ руки. Чистый, братецъ Мика, карась стала ворона. И глаза, понимаешь, у ней совсѣмъ даже... какъ бы тебѣ сказать, не соврать?.. позеленѣли у ней глаза, какъ трава сдѣлались. Вотъ какіе глаза! А сама вся дрожить, носомъ щелкѣ-щелкѣ отъ холоду. Простыла ворона совсѣмъ. И не говоритъ ужъ ничего, только головой крутить...

— Больно ей, дѣдушка?

— Знамо дѣло,—не медь! Самъ подумай,—вымокла вся.

— И дѣтки ее ждуть?

— Хахъ, голова! Какъ же не ждуть? Плакали-плакали вороняты, да ужъ всѣ и глаза проплакали. По міру пошли, подаяньемъ кормятся. Безъ матери житье плохое,— до кого не доведись...

Засыпающій дѣдъ бубнить. Слова растягиваются. Микѣ кажется, что они запутываются въ бородѣ и не могутъ освободиться.

Нѣжные отблески желтаго закатнаго неба выхватываютъ изъ сумрака комнаты оленьи рога на стѣнѣ, уголь этажерки, золоченную раму. Все остальное, даже стѣны, какъ бы спрятались, ушли въ сумракъ и надо пристально смотрѣть, чтобы увидѣть, что всѣ вещи по-старому на своихъ мѣстахъ. Микѣ жутко. Онъ со слезами въ голосѣ требуетъ:

— Дальше-то что, дѣдушка-а?

— Дальше?—продолжалъ дѣдъ проснувшимся голосомъ.—А дальше опять-таки Яковъ... кучеръ нашъ Яковъ, выловилъ ворону и посадилъ ее на мостъ сохнуть. А самъ въ Самару ушелъ... Ушелъ въ Самару, да и запьянствовалъ. Больше мѣсяца, съ лишнимъ, пьянствовалъ. Его бы прогнать слѣдовало, а я пожалѣлъ его, Мика, опять взялъ на мѣсто.

— А какъ же волона, дѣдушка?—сердится Мика.

— А ворона, другъ мой, свое дѣло знаетъ, сохнетъ! Сидитъ на мосту и сохнетъ. Такъ что даже въ щепку высохла. Какъ сушоный грибъ,—вотъ какая стала ворона! И каркать перестала, только комаринымъ голоскомъ пищить: пи-и, пи-и! Вотъ какъ пищить!.. За носъ кто ей задѣнетъ—носъ отломится, за крыло—крыло отломится. Обкрошилась вся ворона, какъ сухарь... Лѣто, самъ видишь Мика, какое! Жара! Горитъ все, сохнетъ. Бѣда!..

— Мика-а!—звонко кричитъ Микина мать. Идетъ къ отцу въ кабинетъ.

— Да вѣдь это она давеча кричала Марѳушку,—думаетъ дѣдушка. Только теперь припомнилъ онъ, что это былъ ея, Надинъ голосъ.

— Папа, ужинъ готовъ! Пойдемъ ужинать. Не у тебя ли Мика?—говоритъ она, входя къ отцу въ кабинетъ.

Дѣдушка стряхиваетъ съ себя дремоту, встаетъ. Мика бѣжитъ къ матери, просится на руки и заливается на ея плечѣ слезами.

— Что ты, Мика? Ты что плачешь, милый?

— Воло-она... Сохнетъ волона... А у ней маленькія дѣтки... мамочка!..—плачетъ Мика.

— Что такое? Папа, ты ему опять сказку рассказывалъ?—съ ласковымъ упрекомъ говоритъ Надя и морщитъ въ улыбка губы.

— Да я, Надя, ничего... ничего, кажется,—растерянно говоритъ дѣдушка.—Я ему про ворону... Онъ, понимаешь, самъ мнѣ пѣлъ: подъ мостомъ ворона... на мосту ворона!.. А я взялъ да про это же рассказалъ...

За ужиномъ Мика развеселился. Вышелъ изъ-за стола и, притопывая въ тактъ ногой, опять пѣлъ:

«Шелъ музы-ыкъ чилезъ мость,
«На мосту воло-она!..»

КО-КО-КО

Недалеко отъ древняго Сидона, по склону Ливана, на полугорѣ, надъ синимъ Средиземнымъ моремъ стоитъ монастырь. Стоитъ онъ въ уединеніи, окруженный большимъ садомъ. Яркая зелень лимоновъ, апельсинъ и гранатъ блеститъ на солнцѣ, благоухаетъ листьями и цвѣтами. Со всѣхъ сторонъ подползаетъ она къ сѣрымъ каменнымъ стѣнамъ монастырскихъ зданій, старается закрыть ихъ холодную печальную наготу...

А виноградныя лозы взбираются по стѣнамъ, даже на плоскія крыши построекъ и разбрасываются тамъ по рѣшеткамъ, отягченныя прозрачными гроздьями.

Изъ монастыря во всѣ стороны виды—одинъ красивѣе другого. На западѣ, внизу, раскинулось въ безмѣрную даль Средиземное море, постоянно окутанное легкимъ туманомъ своего влажнаго опьяняющаго дыханія. По морю то проплыветъ черное чудовище—морской пароходъ, то лодка заблѣетъ острымъ парусомъ; то, какъ привидѣніе,

скользнетъ по водамъ легкое облачко и спрячется куда нибудь въ заросшія лѣсомъ морщины Ливана.

Небо, какъ море, и море, какъ небо. Здѣсь царство лазури, простора, бездонной дали...

На востокъ отъ монастыря высится Ливанъ, загородившій полміра своею высокою спиной. По его склонамъ разбросаны виноградники, кедровыя роци и села, села безъ конца; по долинамъ, по отрогамъ горъ, въ ущельяхъ, точно птичьи гнѣзда—всюду села пестрѣютъ на фонѣ зелени садовъ и виноградниковъ. По горамъ вьются полосы шоссированныхъ дорогъ. Онѣ забираются въ ущелья и извиваются по верхушкамъ предгорій. Зеленыя горы высятся одна надъ другой.

А за ними, въ туманной дали, до самаго неба поднимаются нагія, неподвижныя, холодно - розовыя вершины.

Пониже, у моря, надъ зеленью садовъ пальмы задумчиво качаютъ головами.

Громады горъ подползаютъ къ морю осторожно и ласково, ложатся почти вровень съ водами и моютъ голые камни и пески въ синемъ молокѣ Средиземнаго моря.

Къ монастырю издалека, съ горъ, проведенъ ключъ чистой воды, который орошаетъ монастырскіе сады, поить нивы. Протекая по самой срединѣ монастырскаго двора, онъ наполняетъ тамъ большой, точно озеро, бассейнъ. Въ этотъ бассейнъ со всѣхъ сторонъ смотрятся многочисленныя окна двухэтажнаго монастырскаго зданія.

При монастырѣ семинарія для молодыхъ сирійскихъ мальчиковъ. Внизу классы и прочія службы, а вверху спальни, комнаты настоятеля и учителей.

Ежегодно присылають сюда сирійскихъ мальчиковъ — маленькихъ дикарей, больше сиротъ и бѣдняковъ, у которыхъ нѣтъ пристанища въ мірѣ.

Всѣ учителя здѣсь, начиная съ настоятеля монастыря — ректора семинаріи, — сирійцы, монахи, люди большею частью необразованные и грубые. Въ семинаріи находится до пятидесяти учениковъ. Кромѣ обычныхъ для духовнаго училища предметовъ, здѣсь полагается изученіе французскаго языка. Но съ тѣхъ поръ, какъ въ монастырѣ умеръ старичокъ-монахъ, обучавшій мальчиковъ по-французски, французскій языкъ не преподавался. Настоятель неоднократно справлялся въ Бейрутѣ во французскомъ консульствѣ, не имѣетъ ли оно на примѣтѣ какого-либо французца. Но до сихъ поръ никого не находилось.

Однажды, тихимъ лѣтнимъ вечеромъ къ воротамъ монастыря подошелъ европеецъ въ широкой соломенной шляпѣ, въ порыжѣломъ и помятомъ пальто, въ такихъ же панталонахъ и въ стоптанныхъ запыленныхъ башмакахъ. Отмахнувшись отъ монастырской собаки суковатой масляной палкой, онъ вошелъ на дворъ, остановился и оглянулся.

На дворѣ въ разныхъ позахъ сидѣло и стояло съ книжками въ рукахъ нѣсколько учениковъ. Темныя ряски ихъ рѣзко выдѣлялись на сѣроватомъ камнѣ стѣнъ, освѣщенныхъ блескомъ заходящаго за моремъ солнца. Они съ удивленіемъ посмотрѣли на необычнаго посѣтителя. Одинъ изъ нихъ съ любопытствомъ подошелъ къ незнакомому человѣку и съ сирійской общительностью спросилъ его по-арабски, — кто онъ и кого хочетъ видѣть.

Незнакомецъ помоталъ головой въ знакъ того, что по-арабски онъ ничего не понимаетъ. Ученикъ припомнилъ старыя уроки французскаго языка и съ трудомъ выговорилъ нѣсколько словъ. Усталое лицо незнакомца оживилось.

— Вы говорите по-французски,—сказалъ онъ почти чистымъ французскимъ языкомъ.—Вотъ прекрасно! Скажите же, милый мой, вашему настоятелю, что пришелъ учитель французскаго языка и желаетъ его видѣть.

Всѣ дѣти столпились вокругъ новаго учителя и съ любопытствомъ осматривали его со всѣхъ сторонъ. Скоро собрался весь дворъ, всѣ монахи, ученики, слуги.

— Франжъ?—спрашивали въ толпѣ.

— Ни слова по-арабски не понимаетъ!

— Зачѣмъ онъ пришелъ сюда?

— Учитель французскаго языка.

— Какъ ты съ нимъ разговаривать будешь, Бутрусъ?—спрашивали ученики слугу.—На какомъ языкѣ?

— А о чемъ мнѣ съ нимъ разговаривать?—Пусть онъ со мной разговариваетъ, если захочетъ,—сказалъ слуга Бутрусъ.

— А смѣшные эти франжи! Придетъ,—какъ глухой на свадьбѣ: ни слова не слышитъ и не понимаетъ!

Наконецъ, кряхтя, сверху спустился настоятель. Онъ попросилъ гостя въ пріемную комнату. Толпа осталась на дворѣ разсуждать о новомъ учителѣ.

Разговоръ въ пріемной длился всего минутъ десять. Скоро настоятель крикнулъ слугу и велѣлъ приготовить новому учителю комнату,—значить, дѣло состоялось и въ монастырѣ будетъ жить новое лицо.

Понятно, монастырь оживился. Бутруса, готовившаго комнату и постель, засыпали вопросами. Каковъ учитель, что дѣлаеть, какъ съ Бутрусомъ говорить? Бутрусъ и самъ былъ радъ новому человѣку, а потому отвѣчалъ на всѣ вопросы весьма охотно.

— Какъ только вошелъ въ комнату, началъ всѣ углы оглядывать и пальцемъ трогать. Заглянулъ подъ кровать, на потолокъ. Увидѣлъ кольцо на потолокъ — испугался, кричить: скорпіонъ! Я и догадался, что онъ скорпіоновъ боится, принесъ трость, да ударилъ ею по кольцу, ну, онъ и успокоился.

Раздавался дружный смѣхъ.

— А что же онъ, добрый или нѣтъ? — спрашивали ученики.

— Не знаю. Почему мнѣ знать...

Учитель, по происхожденію итальянецъ, хорошо владелъ французскимъ, латинскимъ и греческимъ языками, но роднымъ считалъ все же свой итальянскій. Какъ звали учителя, никто, кромѣ настоятеля, не зналъ. Но ему съ перваго же дня дали особое имя, и случилось это вотъ какъ.

На слѣдующее же, послѣ своего прихода въ монастырь, утро учитель позвалъ Бутруса. Долго онъ ему что-то объяснялъ, показывалъ руками, щелкалъ языкомъ, говорилъ и по-французски, и по-итальянски, и по-латыни. Бутрусъ ничего не понималъ. Наконецъ учитель догадался. Онъ присѣлъ на полъ, растопырилъ руки, точно крылья, и тоненькимъ, тоненькимъ голоскомъ вдругъ закудахталъ:

— Ко-ко-ко-ко-ко!..

Бутрусъ покатился со смѣху. Учитель поднялся съ полу и тоже весело улыбнулся. Бутрусъ тотчасъ же сварилъ и принесъ учителю куриныхъ яицъ.

— Bien, bien,—твердилъ довольный учитель.—Très bien. C'est ça, Бутрусъ!

Бутрусъ разсказалъ объ этомъ всему монастырю. Съ того дня учителя и стали называть „Ко-ко-ко“

Ко-ко-ко жилъ наверху тихо. День свой распредѣлялъ правильно. Вставалъ рано утромъ и долго молился передъ распятиемъ, привѣшеннымъ въ углу. Молился онъ вслухъ на звучномъ латинскомъ языкѣ. Молитва лилась ровно и внятно, какъ журчитъ по каменному руслу лѣсной ручей. О чемъ онъ молился? Бутрусъ неоднократно прислушивался къ непонятной рѣчи, всматривался въ его блѣдное, измученное лицо, смотрѣлъ, какъ оно мало-по-малу прояснялось, точно эти звучныя непонятныя слова освѣщали все существо молящагося, и уходилъ въ недоумѣнїи. По-молившись, учитель веселымъ голосомъ кричалъ своего Бутруса, растягивая слова:

— Бутру-усъ!

Потомъ шель на уроки.

Послѣ уроковъ онъ долго сидѣлъ въ своей комнатѣ— все читалъ и что-то писалъ. И только къ вечеру выходилъ на плоскую крышу дома полюбоваться безпредѣльнымъ моремъ, шумѣвшимъ внизу, и прекраснымъ солнечнымъ закатомъ. Онъ сидѣлъ, не шевелясь, точно каменный, и неподвижно смотрѣлъ на западъ, гдѣ, причудливо мѣняя формы, торжественно опускался за воды покраснѣвшій громадный шаръ солнца.

Иногда Ко-ко-ко спускался на монастырскій дворъ къ ученикамъ, когда тѣ занимались уроками, садился съ ними рядомъ и что-то говорилъ. Они понимали его очень мало и смотрѣли съ нѣкоторымъ недоумѣнїемъ. Никто изъ взрослыхъ не приходилъ къ нимъ и не пытался разгова-

ривать по-дружески. Они даже подсмѣивались надъ нимъ, а настоятель и совсѣмъ посматриваль на учителя косо. „Чего, дескать, хочеть отъ мальчиковъ этотъ учитель, что къ нимъ льнетъ“?..

У Ко-ко-ко была слабость: онъ боялся скорпіоновъ и змѣй. Это доставляло немало удовольствія всему монастырю. Ему часто приносили въ комнату большихъ сѣрыхъ ужей, маленькихъ змѣй, и потѣшались, какъ Ко-ко-ко вскакивалъ на кровать и на непонятномъ языкѣ, съ ужасомъ въ глазахъ, молилъ взять изъ комнаты животное. Одинъ изъ старшихъ учениковъ, по имени Насыфъ, однажды напугалъ Ко-ко-ко очень сильно. Онъ устроилъ изъ жести какое-то грубое подобіе змѣи, которое пряталъ въ рукавъ своего кунбаза. Когда нужно, онъ выпускалъ эту змѣю изъ рукава и, незамѣтно поворачивая ее пальцемъ, заставлялъ извиваться изъ стороны въ сторону. Вотъ съ этимъ изобрѣтеніемъ Насыфъ и отправился въ квартиру Ко-ко-ко подъ какимъ-то предлогомъ. Тамъ шаловливый мальчикъ незамѣтно выпустилъ изъ рукава свою змѣю и завертѣлъ ее чуть не у самага носа бѣднаго итальянца. Ко-ко-ко вскрикнулъ, поблѣднѣлъ, замахалъ руками, умоляя унести *cette bête terrible*, но Насыфъ все наступалъ на Ко-ко-ко, вертя передъ нимъ свою игрушкою, пока не загналъ учителя въ самый уголъ...

Былъ въ школѣ только одинъ болѣзненный и маленькій ученикъ, по имени Салимъ, который почему-то сразу почувствовалъ къ новому учителю большую любовь. Круглый сирота, грекъ по отцу и сиріецъ по матери, онъ присланъ былъ сюда епископомъ изъ Алеппо. Отецъ его былъ у этого епископа слугою, но померъ, а мать вышла вторично замужъ за сирійца и уѣхала въ Америку. Малень-

кій Салимъ остался на попеченіи старушки-бабушки, которая вскорѣ померла. Епископъ и послалъ одинокаго мальчика въ монастырь. Мальчикъ и здѣсь остался сиротой. Его какъ-то обѣгали, съ нимъ не играли, его дразнили. Монахи и учителя обращались съ нимъ грубо. Онъ постоянно сидѣлъ гдѣ-нибудь въ отдѣльномъ углу, стараясь затвердить положенный урокъ. На блѣдномъ и шелудивомъ лицѣ его рѣдко появлялась улыбка. Онъ начиналъ старѣть въ тринадцать лѣтъ.

И вотъ этотъ мальчикъ сразу почувствовалъ въ новомъ учителѣ родного челоуѣка. Отъ отца онъ научился греческому языку, а потому могъ разговаривать съ учителемъ и понимать его. Учитель приласкалъ болѣзненнаго мальчика и часто бралъ его наверхъ. Тамъ онъ показывалъ ему разныя книжки и картинки, спрашивалъ про отца и мать, а иногда и самъ рассказывалъ ему про себя.

Сидя на крышѣ во время тихаго солнечнаго заката, онъ говорилъ мальчику:

— Милый мой, Салимъ! Былъ я во многихъ странахъ, много городовъ видѣлъ, много людей встрѣчалъ, а лучше вотъ этого мѣста не находилъ. Хорошо здѣсь. Только люди вездѣ сумѣютъ зло сдѣлать. Зло и себѣ, и другимъ, и животнымъ, и людямъ...

— Зачѣмъ ты ушелъ изъ своей земли?—спрашивалъ его несмѣло Салимъ.

— Былъ у меня, милый мой, Салимъ, и домъ свой, и семья; былъ такой же мальчикъ, какъ ты,—сынъ мой. Былъ я богатъ... Потомъ все пропало. Какъ пропало,—ты не поймешь, трудно тебѣ рассказать. И сынъ мой померъ. Люди стали надо мною насмѣхаться. Когда я былъ богатъ, то меня всѣ любили и почитали, а когда я обѣд-

нѣлъ, то всѣ начали бранить и унижать. Злые люди, Салимъ! А какъ они злы, то и любятъ и уважаютъ только то, гдѣ больше всего заложено зла: деньги, власть, рабство... Я и пошелъ ходить по свѣту. Гдѣ мнѣ понравится—поживу. Не понравится—уйду. Здѣсь хорошо, очень хорошо. Горы, море, закатъ солнца!.. Тихо и спокойно. Только люди здѣсь, Салимъ, жестокіе, безжалостные люди. Я вижу, вѣдь, тебя какъ обижаютъ. Но ты на нихъ не сердись. Они сами не понимаютъ, что дѣлаютъ зло... Не сердись, Салимъ...

И Ко-ко-ко гладилъ мальчика по головѣ, долго сидѣлъ съ нимъ на плоской крышѣ и любовался морскою далью.

Однажды, весною, подвѣчеръ, послѣ занятій, съ разрѣшенія ректора всѣ ученики пошли на прогулку въ ближайшую горную долину. Тамъ они рѣзвились почти до самаго вечера. Пѣли пѣсни, прыгали, лазали по небольшимъ дубкамъ и кедрамъ, собирали кучи сухихъ прутьевъ, зажигали ихъ и прыгали черезъ пламя.

Былъ съ ними и Ко-ко-ко. Онъ разсматривалъ растенія, вырывалъ съ корнемъ нѣкоторыя травы и объяснялъ своему Салиму, какъ онѣ живутъ и на что годны. Онъ принималъ иногда участіе и въ играхъ вмѣстѣ съ учениками, чѣмъ вызывалъ общій искренній смѣхъ. Всѣмъ казалось страннымъ, что такой взрослый человѣкъ и учитель играетъ съ юношами въ чехарду.

Играя, дѣти загнали подъ камень и поймали молодую лису. Общей радости не было предѣла... Всѣ прыгали, тѣснились къ звѣрку, чтобы потрогать его за хвостъ, за ушки, за ноги. Лису связали и рѣшили взять въ монастырь. Только Ко-ко-ко противорѣчилъ. Онъ что-то горячо

говорилъ всѣмъ по-французски и по-итальянски, но никто не послушалъ. Вечеромъ лису взяли съ собой.

Дорогой взрослые ученики, Насыфъ и Ханна, долго шептались, очевидно, рѣшая участь бѣднаго звѣрка. Шопотомъ же они передали что-то другимъ ученикамъ. Только Салиму ничего не сказали. Всѣ обѣгали его, чтобы онъ не передалъ замысла непонятному и смѣшному Ко-ко-ко.

Послѣ ужина, часовъ въ восемь вечера, вскорѣ послѣ заката солнца, всѣ ученики побросали въ классахъ учебники и собрались на семинарскомъ дворѣ. Насыфъ принесъ связанную лису. Звѣрекъ дико озирался по сторонамъ, ворочалъ ушками и скалилъ зубы. Но Насыфъ крѣпко держалъ его за шею и не давалъ кусаться. Всѣ ученики выстроились длиннымъ рядомъ, оставивъ проходъ къ воротамъ въ горы. Служка Бутрусъ принесъ бутылъ керосину. Мальчики облили имъ всю шерсть лисы, намочили ея хвостъ и ушки.

Наступилъ самый торжественный моментъ. Ханна зажегъ спичку.

— Погоди, нужно сразу двѣ! Одной зажигай спереди, а другой сзади. А то побѣжить она быстро, огонь угасить. Зажигай спереди!—командовалъ Насыфъ.

Зажгли сразу двѣ спички и поднесли къ головѣ и спинѣ бѣднаго звѣрка. Керосинъ вспыхнулъ. Въ этотъ же моментъ мальчикъ выпустилъ лису. Испуганное и обрадованное животное стрѣлой метнулось къ воротамъ, а изъ воротъ въ горы. Но съ каждымъ прыжкомъ шерсть разгоралась на немъ все сильнѣе и сильнѣе, и черезъ двѣ-три секунды лиса горѣла уже вся. Видно было лишь, какъ по скаламъ неся огненный шаръ, дѣлалъ громадные прыжки и страшно лаялъ, будто взвизгивалъ ребенокъ.

Всѣ выбѣжали за ворота, кричали, махали руками, хохотали, визжали отъ удовольствія, катались по землѣ.

А бѣдный звѣрекъ бѣжалъ все сильнѣе и сильнѣе, стараясь скрыться отъ смерти. Онъ прыгалъ, точно мячикъ, наконецъ, взвился высоко, высоко, перевернулся въ воздухѣ нѣсколько разъ и упалъ на землю. Всѣ бросились было туда, посмотрѣть на мертвую лису, но въ это время сверху раздался крикъ. Всѣ невольно остановились и подняли кверху головы.

На плоской крышѣ стоялъ Ко-ко-ко, съ расширенными отъ ужаса глазами, махалъ руками и что-то не то говорилъ, не то рычалъ. Его шляпа запрокинулась на затылокъ, черная грива волосъ беспорядочно разбросалась по лицу, только глаза свѣтились — широкіе, ужасные, страдающіе. Какъ бѣшеный, онъ бросился внизъ и черезъ секунду стоялъ въ толпѣ мальчиковъ.

— Это вы сожгли звѣря!? О, Dio, che crudeli, brutti, bambini ¹⁾!

И бросился бѣжать туда, гдѣ лежало тѣло лисы. Онъ поднялъ черный обуглившійся трупъ, поцѣловалъ его, положилъ на землю, а самъ побѣжалъ дальше, погрозивъ ученикамъ кулакомъ и закричалъ что-то по-своему.

На слѣдующее утро настоятель послалъ разыскивать итальянца. Искали его два дня. Наконецъ нашли почти на вершинѣ Ливана подъ деревомъ. Пришелъ онъ въ семинарію желтый, больной, собралъ свои вещи и на другой же день уѣхалъ, не сказавъ никому ни слова и ни съ кѣмъ не простившись.

О франжѣ скоро позабыли. Только мальчикъ Салимъ долго плакалъ по ночамъ и съ грустью вспоминалъ учителя Ко-ко-ко.

¹⁾ О, Боже, какія злыя, жестокія дѣти!

АБУ — МАСУДЪ

Я любилъ Абу-Масуда. Это былъ высокій, статный, красивый старикъ съ открытымъ, величаво-спокойнымъ лицомъ, которое часто свѣтилось хорошею, доброю улыбкой. Ему было уже около 65 лѣтъ, но ходилъ онъ бодро и прямо. Его величественную фигуру можно было узнать еще издали въ лабиринтѣ маленькихъ домиковъ горнаго села.

Когда я прїѣзжалъ по своимъ дѣламъ въ Машгару — небольшое селеніе на восточномъ склонѣ Ливана — я завертывалъ всегда къ нему. Я спѣшилъ въ его домъ съ радостнымъ чувствомъ, такъ какъ зналъ, что Абу-Масудъ встрѣтитъ меня привѣтливой улыбкой, раскроетъ передо мной свои широкія уютныя объятія, и мы съ нимъ поцѣлуемся, т.-е. потремся недѣлю тому назадъ бритыми подбородками и щеками и пожмемъ другъ другу руки.

Этотъ обычай завелъ Абу-Масудъ.

— Добро пожаловать! Тысячу разъ добро пожаловать! Отчего долго не прїѣзжалъ?

И Абу-Масудъ почти стаскивалъ меня съ сѣдла, помогая слѣзть.

Навстрѣчу выходила вся семья. Жена—маленькая, подвижная старушка, благоговѣвшая передъ своимъ мужемъ; взрослый, красивый—весь въ отца—сынъ, Ибрагимъ; дочь—подростокъ; лѣтъ девяти сынишка; невѣстка съ маленькими дѣтьми—жена старшаго сына, живущаго въ Америкѣ. Сбѣгались пѣтухи, куры, собаки. Поднимался веселый шумъ, хлопотливая бѣготня и крики.

Выметалась просторная и чистая комната, устилалась коврами; даже ставился жестяной самоварчикъ, нарочно для меня прїобрѣтенный Абу-Масудомъ, ибо онъ зналъ, что русскіе любятъ чай. Онъ даже все населеніе земного шара дѣлилъ только на двѣ породы: люди, пьющіе чай—одна, люди, пьющіе кофе—другая, тоже великая человѣческая раса...

Окруженный такимъ ласковымъ вниманіемъ, я чувствовалъ себя всегда прекрасно. Обмѣнявшись взаимными привѣтствіями и любезностями, мы входили съ Абу-Масудомъ въ комнаты, садились рядомъ, снова, по арабскому обычаю, раскланивались сидя, и начинали бесѣдовать.

Говорилъ Абу-Масудъ всегда оживленно, съ жаромъ, сильно жестикулируя; рѣчь его была выразительна, картинна. Онъ убѣждалъ всегда примѣрами. Такъ однажды я очень торопился въ обратный путь. По дорогѣ приходилось переѣзжать черезъ рѣку Лейтанію, протекающую по долинѣ, ниже Машгары. На мостъ ѣхать было далеко. Въ бродъ можетъ быть, рисковано, такъ какъ дѣло было зимой

во время сильныхъ дождей: рѣка поднялась и бурлила желтыми водами.

— Можно ли, Абу-Масудъ, проѣхать мнѣ прямо?—спросилъ я.

Абу-Масудъ на вопросъ не отвѣтилъ.

— Былъ, мой господинъ, въ Машгарѣ одинъ человекъ,—началъ онъ рассказывать.—Онъ точно такъ же, какъ и ты, торопился, не захотѣлъ итти на мостъ, пошелъ черезъ Лейтанію и утонулъ. Послѣ него остались жена и маленькій сынъ. Когда сыну исполнилось десять лѣтъ, онъ спросилъ свою мать:

— Мать, а гдѣ же мой отецъ?

— Утонулъ въ Лейтаніи.

— Почему, развѣ онъ былъ слѣпъ?

— Нѣтъ, но онъ не хотѣлъ итти на мостъ, пошелъ по водѣ и утонулъ.

— Сколько лѣтъ тому назадъ онъ утонулъ?

— Вотъ скоро десять лѣтъ.

— А что, матушка, если бы онъ пошелъ не прямо черезъ рѣку, а на мостъ, то въ эти десять лѣтъ онъ дошелъ бы туда, куда шелъ, или нѣтъ?

— Конечно! Да тутъ, сынъ мой, и разница-то всего на часъ пути.

— Значитъ, отецъ мой поступилъ неблагоразумно,—сказалъ мальчикъ.

И по лицу Абу-Масуда разлилась добрая улыбка.

Конечно, послѣ такого рассказа я поѣхалъ на мостъ, а не въ бродъ.

Разговаривали мы съ Абу-Масудомъ о политическихъ и общественныхъ новостяхъ. Молодое поколѣніе, подобно другимъ старикамъ, онъ не порицалъ, хотя имѣлъ на то

полное право. Уже больше пяти лѣтъ прошло, какъ уѣхалъ въ Америку его старшій сынъ на заработки. На рукахъ старика онъ оставилъ жену съ двумя малолѣтними дѣтьми и не присылалъ ни гроша денегъ, даже писалъ очень рѣдко...

— Скоро вся Машгара въ Америку уѣдетъ. Всѣ собираются. Завидно. Приѣхалъ Насыфъ, привезъ съ собой пятьсотъ золотыхъ; приѣхалъ Мансуръ—триста золотыхъ. Вотъ и всѣмъ хочется заработать. Только работа эта въ Америкѣ унижительная. Не такъ жили наши дѣды, не такъ я жилъ!—съ горделивымъ упрекомъ воскликнулъ Абу-Масудъ.

— Чѣмъ же унижительна работа?

— Чего хорошаго—ходить съ коробкой товару по домамъ. Въ однихъ Соединенныхъ Штатахъ, говорятъ, нашихъ до ста тысячъ человѣкъ. И всѣ торгуютъ. Природные американцы какъ завидятъ нашихъ торговцевъ,—велятъ слугамъ гнать ихъ отъ дверей... Унижительная работа, потому что лишняя. Да и бѣдствуютъ же тамъ наши сирійцы! Деньги наживаютъ немногіе. А страна наша пустѣетъ. Плохое дѣло, мой господинъ!

— А сынъ твой тоже торгуетъ?

— Нѣтъ. Онъ въ Бразиліи хлѣбъ сѣетъ...

— Хорошо онъ тамъ работаетъ?

— Хорошо, должно-быть, коли ничего не пишетъ,—говорилъ Абу-Масудъ и улыбался при этомъ очень грустно. Призывалъ внучку, маленькую четырехлѣтнюю дѣвочку, и училъ ее:

— Скажи: „Я Рабби!“ *).

— Я Лабби,—лепетала дѣвочка.

*) О, Господь мой!

— Принеси мнѣ моего отца!

— Плинеси мнѣ моего отца!

Дѣвочка повторяла за старикомъ слова, била себя, по его примѣру, кулачкомъ въ грудь и закатывала къ небу большіе темно-каріе глазки. Послѣ этого Абу-Масудъ давалъ ей гостинца—кусокъ сахара или апельсина, цѣловалъ и отсылалъ къ матери.

Обыкновенно вечеромъ въ день моего пріѣзда къ Абу-Масуду, въ домъ собирались гости, чтобы сдѣлать мнѣ „салямъ“—привѣтствіе. Сидѣли они, обыкновенно, молчаливо. Больше всѣхъ говорилъ Абу-Масудъ, сидѣлъ на коврѣ около огня и кипятилъ черный кофе. Говорилъ онъ, что всѣ православные сирійцы любятъ Россію и постоянно молятъ Бога о томъ, чтобы Россія защищала сирійскихъ православныхъ отъ притѣсненій мусульманъ и дала имъ свободу жить на своей милой родинѣ... Онъ разсматривалъ рисунки журналовъ и газетъ, которые я возилъ всегда съ собою, и съ самой благодушной улыбкой, держа книгу вверхъ ногами, передавалъ сидящему рядомъ съ нимъ Абу-Абдаллѣ, говоря:

— Возьми, почитай намъ.

Абу-Абдалла бралъ журналъ, конфузливо усмѣхался, но, чтобы поддержать шутку, передавалъ дальше со словами:

— Развѣ, вотъ, Абу-Насыфъ прочитаетъ.

Такъ, попивая черный кофе, проводили мы время до ужина, за которымъ хлопотала женская половина дома. Если я пріѣзжалъ вечеромъ, Абу-Масудъ предупреждалъ меня арабской пословицей: „Кто пріѣхалъ вечеромъ, тому нѣтъ ужина“. Но ужинъ, конечно, всегда являлся... Приглашались и гости. Нѣкоторые ужинали съ нами, а нѣко-

торые послѣ. Самъ Абу-Масудъ уже не слѣдовалъ арабскому обычаю, чтобы хозяинъ за столомъ служилъ гостю. Онъ ѣлъ всегда вмѣстѣ со мною и усердно потчевалъ. Наширокій, мѣдный, круглый подносъ ставились, обыкновенно, всѣ кушанья сразу. Мы всѣ, сидя на подушкахъ, ѣли по выбору, кто чего хотѣлъ. Хозяйка стояла около стола и всегда извинялась за недостойный такого высокаго гостя ужинъ.

— Какъ хочешь, мой господинъ! Мы мужики. Хочешь—осудишь, хочешь—нѣтъ,—добавлялъ Абу-Масудъ.

Послѣ ужина, передъ сномъ, мы любили съ Абу-Масудомъ помечтать, сидя на площадкѣ передъ домомъ. Площадка падала обрывистой стѣной на нижнюю террасу въ садъ Абу-Масуда. Весною оттуда поднимались ароматы цвѣтущихъ абрикосовъ, миндаля, грушъ и яблокъ. Едва слышно прокрадывалась тамъ по оросительнымъ каналамъ вода. Ниже, въ темнотѣ, вперемѣшку съ кудрявою зеленью тутовыхъ деревьевъ и тополей, виднѣлись плоскія крыши домовъ, скатывающихся по обрыву внизъ къ шумящей по камнямъ рѣчкѣ.

Надъ нами поднималось высокое южное небо съ сіяющими звѣздами. Позади, почти надъ самыми нашими головами, висѣли сѣрыя вѣчныя скалы Ливанскаго хребта.

Шумъ горныхъ водъ, говоръ тополей, чуткое эхо горъ,—все сливалось въ одинъ непрерывный таинственный гулъ... Казалось иногда, что всѣ эти горы, всѣ эти звѣзды только на мгновеніе застыли на мѣстѣ, что гигантскій размахъ природы остановился ненадолго. Минута—и все начнетъ двигаться, разрушаться: задрожитъ богатырь-Ливанъ и стряхнетъ съ себя на насъ сѣрыя глыбы; заволнуется небо, и попадають на горы трепещущія звѣзды...

Но нѣтъ, все оставалось неподвижно и величаво по-прежнему...

Абу-Масудъ разговаривать въ это время много не любилъ и сидѣлъ молча, съ нахмуренными сѣдыми бровями. Но я чувствовалъ, что его старческое сердце, какъ и мое молодое, сжимается и трепещетъ одинаковымъ томленіемъ чего-то недосказаннаго, неразгаданнаго. Время-отъ-времени онъ все же бросалъ мнѣ обрывки своихъ думъ, большею частью невеселыхъ.

— Вотъ смотрю я такъ на небо, на звѣзды и часто думаю,—сказалъ онъ однажды,—какъ это все тамъ наверху одинаково: маленькимъ я былъ, смотрѣлъ на небо,—тамъ было весело и хорошо. Теперь старикомъ сталъ, смотрю,—все также весело и хорошо. А у насъ здѣсь какъ все быстро перемѣняется! О, великій Боже!

— Все въ жизни измѣняется, но не всегда же къ худшему,—сказалъ я осторожно...

— Можетъ-быть!—быстро согласился Абу-Масудъ.— Но, мой господинъ! Только расточительный хозяинъ строить новый домъ, а старый бросаетъ совершенно во власть змѣй, волковъ и лисицъ. Хозяинъ добрый всегда возьметъ изъ стараго дома всѣ лучшіе камни, обдѣлаетъ ихъ и поставитъ въ новый домъ, даже на видное мѣсто. И всегда будетъ онъ гордиться ими и говорить: „Вотъ этотъ камень обтесалъ мой дѣдъ, а этотъ мой отецъ“. О, мой господинъ! Кто любитъ дѣдовъ, тотъ любитъ и дѣдовскіе камни...

Въ это время въ комнатѣ готовилась постель. Невѣстка приносила тазъ съ водой и, несмотря на всѣ мои отказы, принималась по-восточному обычаю мыть мнѣ ноги. „Это

твоя служанка“,—говорилъ мнѣ Абу-Масудъ, показывая на невѣстку.

И спокойно засыпаль я подъ тотъ же горный таинственный шумъ, врывавшійся въ плохо притворенныя окна чистой и высокой комнаты. Но Абу-Масудъ долго еще разговариваль съ гостями въ сосѣдней комнатѣ и отдаваль женѣ приказанія на завтра.

Такъ, съ виду тихо и спокойно, проходила жизнь Абу-Масуда. Весною онъ занималься выкармливаніемъ личинокъ шелкопряда, при чемъ двѣ большія комнаты отдаваль подъ глиняные и деревянные круги, наполненные прожорливыми червячками. Абу-Масудъ показываль мнѣ различныя породы личинокъ, рассказываль объ ихъ привычкахъ, о выгодахъ занятій шелководствомъ... Во все же остальное время года Абу-Масудъ сидѣль дома, курилъ собственнаго производства табакъ, неистово коптилъ свои роскошныя бѣлыя усы.

Но на душѣ у Абу-Масуда было неспокойно. Дѣти смущали его. Абу-Масудъ все чаще и чаще съ грустью посматриваль украдкой на невѣстку и нѣжнѣе прежняго начиналь ласкать маленькихъ внучекъ—двухъ дѣвочекъ. Его второй сынъ, красавецъ Ибрагимъ, уѣхаль въ сосѣдній городъ на службу, но и о немъ мало слышаль Абу-Масудъ хорошаго. Ибрагимъ пьянствовалъ. Разговаривая о дѣтяхъ, Абу-Масудъ глубоко вздыхаль, а жена его начинала тихонько плакать и ласкать маленькаго, теперь единственнаго, сына.

Болѣе полугода не былъ я въ Машгарѣ и не видѣлъ Абу-Масуда. Слышалъ только, что умеръ его сынъ, красавецъ Ибрагимъ.

Когда я приѣхалъ въ Машгару, то, по обстоятельствамъ, долженъ былъ остановиться не у своего пріятеля.

Однако, не успѣлъ я слѣзть съ лошади, какъ внизу между плоскими крышами уже завидѣлъ его крупную фигуру. Онъ шелъ, опираясь, по обыкновенію, на большую палку, переступая медленными, но широкими шагами по камнямъ, казалось, попрежнему могучій и крѣпкій. Но когда Абу-Масудъ подошелъ ближе, я чуть не ахнулъ. Бѣдный старикъ, какъ онъ измѣнился! Глаза, хорошіе, добрые глаза его смотрѣли грустно; лицо потемнѣло; подбородокъ, давно небритый, покрылся густою щетиной, платье въ безпорядкѣ. Медленно и молча раскрылъ онъ свои объятія, и мы поцѣловались. Онъ молчалъ, тяжело дышалъ и силился улыбнуться. Я съ состраданіемъ смотрѣлъ на него.

— Слышалъ я, Абу-Масудъ, про твое горе. Не тоскуй—попробовалъ я утѣшить старика.

— Надѣюсь на Бога,—сказалъ Абу-Масудъ.

Но вдругъ его небритый подбородокъ задрожалъ, и изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей потекли крупныя слезы. Онъ весь какъ-то опустился, осѣлъ, положилъ мнѣ на плечи обѣ руки и на одну изъ нихъ склонилъ свою трясущуюся отъ тихихъ слезъ голову.

— Богъ далъ, Богъ и взялъ,—говорилъ онъ, какъ древній Іовъ.—Только больно мнѣ. Сердце болитъ... Сдѣлать съ собой ничего не могу. Да и жену жалко. Ты знаешь, мы, арабы, ужъ такіе люди: если *ушелъ* одинъ... Тоска... Приходи ко мнѣ, коли найдешь время.

Занятый дѣлами, я все время видѣлъ, какъ Абу-Масудъ сидѣлъ передъ своимъ домомъ на площадкѣ, тамъ, гдѣ мы такъ любили съ нимъ проводить вечера. Онъ, какъ будто, совсѣмъ не смотрѣлъ въ мою сторону, но, видно было, ждалъ меня и боялся, что я не приду... Уже къ вечеру пошелъ я къ Абу-Масуду. Онъ сидѣлъ все тамъ же, но, увидавъ меня, отвернулся. Дескать, не жду я тебя, а придешь—милости просимъ...

Грустно смотрѣли свѣтлыя неубранныя комнаты Абу-Масуда. И на нихъ лежала печать упадка и запустѣнія. Старуха не показывалась. Издали слышалъ я жалобныя стоны... Дрожащими руками поставилъ Абу-Масудъ жестяной самоварчикъ и, несмотря на всѣ мои отговоры, угостилъ чаемъ.

— Вотъ одинъ у меня остается,—сказалъ онъ, показывая на десятилѣтняго сына.—Одинъ въ Америкѣ, не пишетъ и не ѣдетъ, а другой... если бы и хотѣлъ, такъ ужъ не можетъ пріѣхать...

ВЪ СНѢЖНЫХЪ ГОРАХЪ

Если бы день тотъ былъ пасмурный, конечно, мы мучились бы меньше, гораздо меньше.

Съ перваго взгляда это кажется нѣсколько страннымъ, даже непонятнымъ. Неужели, когда громады горъ перемѣшались съ громадами облаковъ, а долины до краевъ наполнились мокрымъ туманомъ, неужели въ такую погоду тонуть въ горныхъ снѣгахъ лучше, чѣмъ въ тихій и ясный день?

А между тѣмъ, видитъ Богъ, это такъ. Въ туманѣ-то мы сдѣлали бы этотъ переѣздъ гораздо спокойнѣе.

Ѣхали мы вдвоемъ: я и нѣмецъ Вейсъ. Пробирались черезъ Антиливанъ и Ливанъ къ Средиземному морю. Намѣтили перевалить въ Сидонъ.

Впрочемъ, для насъ было важно не столько доѣхать, какъ можно короче и скорѣе доѣхать, сколько—проѣхаться.

Быль февраль мѣсяць. По долинамъ между Ливаномъ и Антиливаномъ феллахи сѣяли пшеницу. Склоны каменныхъ горъ покрывались травкой. Нѣжнѣе и тоньше дымка надъ долинами, прозрачнѣе дали и звончѣе горы. Наступала горная южная весна.

Въ глубокой долиинѣ истоковъ Иордана, около Баніаса, было совсѣмъ тепло, даже жарко. И мы провели тамъ цѣлый день. Грѣлись на солнцѣ, спали подъ цвѣтущими миндальными деревьями.

А рядомъ, надъ нашими головами, поднималась снѣжная голова Германа. Трудно было смотрѣть на его сверкающіе снѣга. Но и не глядя, мы чувствовали, какъ по теплой долиинѣ изрѣдка вѣяло съ снѣжной высоты легкимъ холодомъ.

А вечеромъ, когда зашло солнце, долина налилась розовыми отблесками снѣговъ и стала таинственной и странной.

Но памятиѣ всего для насъ именно этотъ послѣдній переѣздъ черезъ Ливанскій хребетъ, къ Сидону. Объ этомъ переѣздѣ я и хочу рассказать.

Ночевали мы въ Ждейдѣ.

Наканунѣ по долинамъ шелъ теплый весенній дождь.

А въ тотъ день надъ горами встало тихое и ясное утро.

— Ну, что же, проѣдемъ въ Сидонъ, прямо черезъ Ливанъ?

Нашъ проводникъ и хозяинъ лошадей, Шукри, только за усъ схватился и подержалъ его правой рукой. Ну, ужъ если схватился за усъ, — нельзя не довѣрять. Обидится Шукри. Усами отвѣчаетъ.

Лошади у Шукри хорошія.

Молодой гнѣдой жеребецъ съ легкой сѣдиной въ шерсти, точно морозомъ обсыпанъ. У него тонкія и высокія бабки, легкія копытца, маленькая голова, глаза выпуклые, большіе, влажные. И весь онъ точно молодой франтъ, щеголеватый, подобранный и безпечно веселый. Везетъ — на качеляхъ покачивается. На немъ ѣхалъ я. У Вейса сѣрый и грузный жеребецъ. Лошадь серьезная, вдумчивая. Идетъ степенно, выбираетъ дорогу, оглядываетъ мѣстность. Не грызетъ удиль, не разбрасываетъ по придорожнымъ скаламъ съ губъ бѣлой пѣны. Только изрѣдка солидно позѣвываетъ и жуетъ пустымъ ртомъ вкусно и звонко.

Самъ Шукри ѣдетъ всегда впереди насъ на мулъ. Съ нимъ же въ переметныхъ мѣшкахъ наша провизія, теплая одежда, бѣлье.

Вотъ мы и всѣ тутъ.

Выѣхали изъ Ждейды—уже ободняло.

Долго поднимались мы по склонамъ Ливана. Выростали и приближались далекія снѣжныя горы, поднималось надъ Сиріей небо. А Германъ придвинулся совсѣмъ близко, во всю ширину развернулъ сине-розовое полотно снѣжнаго бока.

Стада козъ. Лопухія и бѣлоглазыя козы встрѣчали и провожали насъ недоумѣвающими взглядами, пофыркивая отъ холоднаго воздуха, щипали молодую траву.

Проѣхали полосу таянія, добрались до снѣговъ. Стало холодно. Одѣлись теплѣе.

А дали все красочнѣе и яснѣе, шире и выше тихое небо.

Накатилось морозное облачко и одѣло насъ многоцвѣтнымъ серебристымъ туманомъ. Должно быть, послѣ вчерашняго дождя оно заплуталось въ глубокихъ ущельяхъ.

А утромъ поднялось въ горы, замерзло и теперь рассыпается по горамъ мелкимъ морознымъ инеемъ. Минуть пять, ѣхали мы въ этомъ морозномъ молокѣ, подъ цвѣтными радугами. У лошадей валилъ изъ ноздрей густой бѣлый паръ, точно вата, падалъ на горную тропинку.

Прояснилось вдругъ. Оглянулись мы, а облачко пушистымъ клубкомъ катится отъ насъ по горному уклону, оставляя за собой на скалахъ и кустахъ искристый налетъ инея.

На самомъ перевалѣ черезъ Ливанъ открылся видъ на Средиземное море. Оно было темно-голубое; безконечная даль его пропадала въ туманѣ, незамѣтно переходила въ синія, лиловыя, золотистыя облака. А между нами и моремъ откатое снѣжное поле западнаго склона.

На вершинѣ широкая, горбатая, какъ спина черепахи, поляна. Укрыта ровнымъ и неглубокимъ слоемъ снѣга. На снѣгу гигантскіе слѣды... Было жутко смотрѣть на нихъ. Поневолѣ оглянулись мы вокругъ себя съ суевѣрнымъ ужасомъ: не спрятался ли гдѣ за скалой какой-нибудь сказочный горный звѣрь?

Шукри засмѣялся. Началъ объяснять.

Шакалъ прошелъ. На солнцѣ таютъ слѣды, шире становятся. Подумаешь—какой страшный звѣрь прошелъ!

На снѣжной полянѣ въ разныхъ мѣстахъ десятка полтора страннаго вида дубковъ. Точно застывшіе пауки обратились къ намъ всѣми своими мохнатыми лапами. Такъ изуродовали ихъ западные вѣтры.

Позавтракали и въ самомъ веселомъ настроеніи поѣхали дальше.

Первый разъ провалился въ снѣгъ мой конь, провалился неглубоко. Мнѣ даже не пришлось съ него спрыг-

нуть, — онъ со мной выбился на твердое мѣсто. Но еще долго нервничалъ и хрустѣлъ на зубахъ удилами.

Туть же завязъ по брюхо мулъ. Шукри бранился, снялъ мѣшки, вытаскивалъ мула за хвостъ, обминалъ во-кругъ него снѣгъ. Вытащилъ. Мулъ долго отряхался, фыр-калъ, ржалъ по-лошадиному, захлебывался по-ослиному, точно лошадь и осель кричали одновременно.

Чѣмъ дальше, тѣмъ глубже и опаснѣе становился на нашемъ пути снѣгъ. Свернуть въ сторону нельзя: худо ли, хорошо ли, надо держаться тропинки. Только тогда я по-нялъ, что не напрасно въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій, милліонами ногъ и копытъ протоптаны по горамъ пути, именно эти, а не другіе, здѣсь, а не рядомъ; что всякая горная тропинка есть самый лучшій, самый удобный изъ всѣхъ возможныхъ въ этой мѣстности путей. Не даромъ при постройкѣ въ горахъ желѣзныхъ и шоссейныхъ до-рогъ инженеры такъ дорожатъ указаніями горныхъ тро-пинокъ.

Вернуться назадъ въ первое время намъ не пришло даже въ голову. Что за малодушіе! Да и то сказать, на-дѣялись, что дорога скоро станетъ лучше.

Выбираясь на твердую почву, лошади нервно дрожали. Мой гнѣдой конь взволнованно хваталъ зубами Сѣраго за колѣни, за грудь. Сѣрый успокоительно ласкалъ его зу-бами за шею, около ушей. И такъ, скрестивши шеи, ло-шади стояли, пока Шукри вновь вьючилъ мула, хмурый и озабоченно суетливый.

— Ну, дальше-то лучше будетъ!

А по голосу слышно, что на Шукри напало сомнѣніе.

Подъѣзжаемъ къ новому тупику, къ новой горной впа-динѣ. Тропинка ныряетъ подъ снѣгъ. И всѣ мы начи-

наемъ волноваться. Слѣзаемъ съ лошадей, ведемъ ихъ на поводахъ. Лошади фюкають на снѣгъ, раздувая тонкія, широкія ноздри, бьютъ копытами, пробуютъ путь. Проваливаются съ душу надрывающимъ стономъ. И, переваливаясь съ боку на бокъ, кусая снѣгъ горячимъ ртомъ, бьются, выпрыгиваютъ и снова тонуть въ снѣжной глубинѣ. Сверху на снѣгу мерзлая корка. Она колется подъ копытами, точно арбузъ. А подъ ней сыпучій снѣжный песокъ.

Остановились отдыхать.

Сначала-то мы радовались ясному дню. Хорошо, что тихо, свѣтитъ солнце, видно море, даль, высокія бѣлыя вершины Ливана. Вдоль моря города: Бейрутъ и Тиръ, а ближе всѣхъ, прямо передъ нами, Сидонъ.

Но чѣмъ дальше ѣхали, тѣмъ тяжелѣе становилось на душѣ. Именно потому, что все видно, что теплый Сидонъ и его цвѣтущіе сады рядомъ, подъ нами. А мы здѣсь бьемся, точно въ заколдованномъ кругу ходимъ. Барахтаемся въ снѣгу цѣлый день, а переваль рядомъ.

Солнце скатывается въ море. Море посвѣтлѣло, стало молочно-синимъ. И отъ солнца до берега, раскинувшись вѣеромъ по отмелямъ, сверкая нестерпимымъ свѣтомъ, легла огненная полоса.

Сверкаетъ и снѣгъ. Тошнить отъ его голубоватой бѣлизны. Противенъ его желѣзистый холодный запахъ. Тоска.

Прошелъ пароходъ. Показался онъ въ туманной дали еще до полудня. А теперь заворачиваетъ къ Бейруту. Поневолѣ думаешь о томъ, какъ удобно теперь гулять на пароходной палубѣ, какъ пріятно быть въ чистой, свѣтлой гостиницѣ въ Бейрутѣ. Тамъ, около моря, тепло и влажно. Женщины и мужчины ходятъ въ легкихъ, лѣтнихъ одеждахъ. Играетъ музыка. Шумятъ базары...

Вейсъ приходитъ въ отчаяніе. Говоритъ мнѣ съ упрекомъ.
— Ну, и зачѣмъ мы поѣхали черезъ горы!

Я молчу, сердито отворачиваюсь. Вѣдь, и я могъ бы досадить ему такимъ упрекомъ! Чортъ возьми!

Шукри обтираетъ тряпкой лошадей. Растаетъ снѣгъ и обледенить шерсть. Наши кони даже отряхаться перестали. Совсѣмъ упали духомъ.

— Ну, что же, Шукри, поѣдемъ. Не до лѣта здѣсь стоять!

Шукри молча и неувѣренно подтолкнулъ въ задъ колѣнкой мула и защелкалъ языкомъ.

Какъ это случилось, трудно даже припомнить въ подробностяхъ. Переѣзжали мы глубокую снѣжную долину. Шукри со своимъ муломъ уже выбрался на берегъ снѣжнаго завала. Мы съ Вейсомъ ведемъ лошадей за поводья, избѣгая сдѣланныхъ муломъ ямъ. Вейсъ — впереди, я — сзади. Лошади идутъ вплотную другъ за другомъ, неувѣренно растопыриваютъ ноги, семенятъ мелкимъ шагкомъ. Вдругъ Сѣрый проваливается глубоко. Вслѣдъ за нимъ ныряетъ по плечи Гнѣдой. Нѣсколько секундъ кони, точно въ удивленіи, лежатъ неподвижно, кряхтятъ, гремятъ во рту удилами. Потомъ начинаютъ отчаянно биться въ снѣгу.

Случилось такъ, что когда Гнѣдой вскинулся наверхъ, Сѣрый провалился, осѣлъ назадъ и всѣмъ тѣломъ навалился Гнѣдому на плечо. Гнѣдой странно завизжалъ, легъ на бокъ и бессильно забрыкалъ ногами. Сѣрый уже оправился, поднялся и, прыгая по снѣгу, выбрался на твердое мѣсто, а Гнѣдой лежалъ и бессильно стоналъ. Рылся мордой, искалъ зубами зарытую въ снѣгу ногу. Глаза его вылѣзали изъ костистыхъ глазницъ, плакали отъ боли крупными слезами. Въ бѣломъ снѣжномъ мѣстѣ показались кровавые комья.

Гнѣдой сломалъ себѣ правую переднюю ногу.

Прибѣжалъ Шукри, осторожно подошелъ Вейсь.

Шукри обезумѣлъ отъ горя. Ползалъ вокругъ Гнѣдого, разрывалъ руками снѣгъ, бережно держалъ въ рукахъ сломанную ногу и дулъ на нее ртомъ, какъ дѣти дуютъ на больное мѣсто. Одинъ разъ Гнѣдой брыкнулъ отъ боли ногами и ударилъ Шукри въ плечо копытомъ. Шукри упалъ и, какъ будто не замѣчая удара, вскочилъ и сталъ тянуть Гнѣдого за хвостъ. Кричалъ на насъ, бранился, уже не разбирая словъ:

— Помогайте, да разрушить Богъ вашъ домъ! Помогайте, собачьи дѣти.

— Подстрѣлить надо Гнѣдого, Шукри. Зачѣмъ ему мучиться?

— Нѣтъ, ты сначала меня подстрѣли, а потомъ ужъ стрѣлай и Гнѣдого. Тащите, говорю вамъ...

Конь ржалъ и стоналъ, видимо, страдалъ невыносимо.

А Шукри тянулъ его за гриву, за хвостъ, самъ не зная, зачѣмъ и куда тащить. Гнѣдой бился, совалъ морду въ снѣгъ, забивалъ расширенныя ноздри и фыркалъ на насъ талымъ снѣгомъ.

Долго мы уговаривали Шукри не мучить лошадь, пристрѣлить. Онъ не соглашался, плакалъ, поднималъ глаза къ небу и кричалъ:

— О, Аллахъ!

На чудо—что ли надѣялся, или просто жалость свою къ лошади не могъ побороть. Показывая на Гнѣдого пальцемъ, твердилъ сквозь слезы:

— Это, вѣдь, сынъ мой! Милый сынъ мой! Сыночекъ! Наконецъ упалъ духомъ, согласился.

— Ну, пристрѣлите...

И самъ отбѣжалъ въ сторону и упалъ лицомъ въ снѣгъ. Вейсъ вынулъ изъ кобуры револьверъ, громадный, — какой-то старой англійской системы съ пулями размѣра солдатской винтовки. Подошелъ къ лошади торопливый и взволнованный и взвелъ курокъ.

Гнѣдой встряхнулся всѣмъ тѣломъ, болѣзненно закричалъ и выкатилъ на нѣмца черный, влажный глазъ, большой, испуганный, понимающій...

Громко раздался выстрѣлъ.

Шукри вскочилъ и бросился на Вейса съ кулаками.

— Проклятый. Убилъ!

Вейсъ поблѣднѣлъ отъ оскорбленія и рѣшительно направилъ револьверъ на Шукри.

Я бросился къ Вейсу, схватилъ его за руку. А Шукри врядъ ли даже почувствовалъ какой-нибудь страхъ, врядъ ли сознавалъ опасность. Онъ убѣждалъ отъ нѣмца; не потому, что испугался, а просто забылъ о немъ, бросился къ Гнѣдому и обнималъ его теплый неподвижный трупъ.

Смерть наступила почти мгновенно.

Долго мы не могли съ этого мѣста тронуться, Шукри бранился и плакалъ, вьючилъ и снова развьючивалъ мула. Ходилъ къ трупу Гнѣдого и, возвращаясь, въ отчаяніи твердилъ:

— О, мой сынъ! Вѣдь, это мой сынъ!

Уже закатилось солнце. Море подернулось оранжевой пленкой, посинѣло, позеленѣло. Въ отблескахъ закатнаго свѣта снова прояснился Сидонъ и опять потухъ. Стекло моря четкой линіей отдѣлилось отъ темнаго берега. Кое-гдѣ внизу загорѣлись огоньки.

Я ѣхалъ на мулѣ, а Шукри шелъ впереди, размахивалъ руками и съ отчаяніемъ вздыхалъ.

Скоро остановились. Стало темно. Дожидались, когда взойдетъ надъ горами луна.

Ждали мы часа три. Нетерпѣливо топтались, стучали копытами по землѣ голодные животныя. Сѣрый оглядывался, ржалъ, звалъ Гнѣдого.

Надъ горами тихо. Только снизу долетаютъ чуть слышные шорохи морскихъ волнъ, да чудятся звуки какой-то музыки. Можетъ-быть, музыки нѣтъ, но она намъ слышится. Вейсъ даже учуялъ запахъ цвѣтущихъ абрикосовъ и простоналъ съ досадой:

— Хоть бы тучи закрыли этотъ проклятый Сидонъ!..

Эти три часа ожиданія въ холодныхъ горахъ, когда близко, внизу, подъ ногами уютный, теплый городъ, походили на медленное умираніе въ морѣ отъ жажды. Рядомъ вода, а пить нельзя. Рядомъ городъ, а когда тамъ будемъ — неизвѣстно. Лучше туда и не смотрѣть, — станетъ еще тоскливѣе.

А не смотрѣть нельзя. Смотришь поневолѣ. Что жъ дѣлать въ тихихъ, снѣжныхъ горахъ ночью, какъ не смотрѣть и слушать?

Пришелъ Шукри и долго рассказывалъ, какъ онъ растилъ и холилъ Гнѣдого и какъ ему трудно съ нимъ разстаться.

Когда надъ горами поднялась луна, мы поѣхали. Тонули въ снѣгу раза три, не больше. Дальше дорога стала лучше и къ утру мы спустились въ Сидонъ совсѣмъ разбитые, больные.

Сѣрый и мулъ едва шли и шатались отъ усталости. Шукри велъ ихъ въ поводу.

Когда прощались, Шукри плакалъ и просилъ помянуть Гнѣдого.

— Сынъ мой былъ!

БОЙ

Разсказъ.

Капитанъ Макѣевъ настоящій морской волкъ. Онъ съ дѣтства выросъ на водѣ и, по его выраженію, попадалъ во всякіе переплеты. Еще мальчикомъ онъ ѣздилъ на промыслы за тюленями въ горло Бѣлаго моря и Ледовитый океанъ. Плавалъ двѣнадцать дней и едва не умеръ голодной смертью на льдинѣ. Тонулъ, замерзалъ, пропадалъ безъ вѣсти и снова появлялся попрежнему веселый и неутомонный.

У него изящныя, почти женскія руки, лицо свѣтлокофейнаго цвѣта, небольшая черная борода. При маломъ ростѣ своемъ онъ напоминаетъ японца, и вся его убористая, плотная фигурка говоритъ о силѣ и настойчивости.

Смотритъ ли онъ въ разбушевавшійся океанъ, или балагуритъ съ пассажирами—лицо у него всегда спокойно.

Онъ образованъ, и, кажется, во всѣхъ областяхъ знанія человеческого имѣетъ небольшія, но ясныя понятія. Есть у него одно суевѣрное чувство: не спрашивайте его— „когда прїѣдемъ?“. Замашетъ руками, убѣжитъ.

Съ полночи увидѣли мы Новую Землю и все утро ѣдемъ вдоль ея береговъ. Въ туманной дали океана видна сѣро-синяя гряда колючихъ холмовъ съ пятнами нестаявшаго снѣга—вотъ Новая Земля. Надъ океаномъ летаютъ молчаливыя гагарки, ныряютъ передъ самымъ носомъ парохода въ бирюзовую воду; поднимаютъ на хвостахъ круглыя жирныя тѣла и, потягиваясь, обмахиваются крыльями. За кормой длинной молчаливой вереницей тянутся любопытные моржеголовцы и сѣрые глупыши.

Сегодня Ледовитый океанъ почти спокоенъ. Вѣтеръ кружится, перебиваетъ волну. Пароходъ не качается. Пассажиры оправились послѣ вчерашней качки, сидятъ въ рубкѣ, закусываютъ.

Завтракаютъ, но часто высовываются въ люки посмотреть на Новую Землю. Какая она такая? Разговорились про охоту на бѣлыхъ медвѣдей. Капитанъ уже, конечно, что-нибудь объ этомъ знаетъ. Уступая общимъ просьбамъ, капитанъ рассказываетъ.

„Лѣтъ двадцать пять тому назадъ это было. Въ концѣ августа охотились мы у береговъ Новой Земли, въ Карскомъ морѣ. Два дня дули восточные вѣтры. Сталъ надвигаться ледъ. Раннимъ утромъ мы услышали то особенное, точно грохотъ приближающейся бури, шуршанье полярныхъ льдовъ. Отъ этого шуршанья всегда становится тоскливо на душѣ. Тоскливо, вѣроятно, оттого, что надви-

гается страшная сила и чувствуешь передъ ней свое ничтожество и полную беспомощность. Если вы въ это время плывете на суднѣ,—торопитесь укрыться скорѣе въ какой-нибудь заливъ. Льды на Карскомъ морѣ ходятъ быстро. Надвинутся, придавятъ къ скаламъ, разобьютъ въ щепки хоть броненосецъ. Даже тюлени и моржи въ это время уплываютъ отъ береговъ въ глубь океана, боятся.

„Наше судно стояло въ небольшой, очень удобной бухтѣ, какъ въ ковшѣ. И мы спокойно ожидали надвигающуюся стихію. Скоро льдины подошли къ берегамъ и полѣзли на отмели. У скалистыхъ береговъ взгромоздились колокольни, башни, маяки изъ нѣжно-зеленаго, полупрозрачнаго стекла. И весь океанъ, насколько можно взглядомъ окинуть, сплошь покрытъ льдомъ. Цѣлый ледяной материкъ, прообразъ будущей, застывшей мертвой земли.

„Дѣлать въ это время нечего. Поднимусь я на горку, сажу и смотрю. Минутами даже немного жутко станеть. Въ океанѣ столкнулись два материка, и ледяныя горы бьются съ горами каменными. А ну, какъ этотъ плавучій ледяной материкъ наплетъ на берега и столкнетъ въ океанъ всю Новую Землю съ ея мерзлыми горами и ледниками? Столкнетъ и побѣдоносно поплыветъ надъ бывшей землей дальше, на западъ. Тогда зима опустится въ южную Европу, и на берегахъ южной Франціи и Испаніи вмѣсто лимоновъ и персиковъ, можетъ-быть, будутъ расти, какъ въ Иркутскѣ, только кислыя яблоки. Прощай нарядная и теплая Европа!

„Ну - съ, надвинулись льды, стало холодно. Пошелъ снѣгъ. Горы и льдины покрылись подъ одно чистымъ

бѣлымъ покровомъ. Дня черезъ два ледъ у береговъ порѣдѣлъ. Мы вчетверомъ сѣли въ карбасъ, поѣхали посмотреть, не встрѣтимъ ли тюленей, моржа, а, можетъ-быть, наткнемся вдоль берега и на бѣлаго медвѣдя.

„Ѣдемъ мы такъ. Тихо. Молчимъ. Только уключины скрипятъ. Туманъ. Волнъ нѣтъ, а откаты взводень ходитъ по океану. Ѣдемъ мы, перекатываемся съ зыбины на зыбину, точно въ какомъ заколдованномъ кругу качаемся. Шуршатъ свѣтло-зеленныя льдины, входятъ въ туманный кругъ и уходятъ. А вокругъ насъ все тотъ же узкій и плотный туманный колпакъ. Ѣдемъ, или дьяволъ насъ въ одномъ мѣстѣ водить—не разберешь. Долго плыли, надоегло. Хотѣли къ берегу пристать.

„Туманъ началъ подбираться, порѣдѣлъ.

„Вдругъ видимъ мы, — впереди, на большой льдинѣ, что-то черное перевернулось. Льдина большая, а посрединѣ высокій гребень изъ торцоваго льда. Подѣхали мы изъ-за этого горба, взяли винтовки и втроемъ слѣзли на льдину. Четвертый въ лодкѣ остался.

„Вскарабкались на ледяной горбъ, да такъ и застыли отъ удивленія.

„Въ первую минуту и понять даже было трудно: что такое происходитъ? Кипитъ вода около льдины, будто въ громадномъ котлѣ. Брызги летятъ. Кто-то сопить и фыркаетъ. Потомъ разглядѣли: бѣлый медвѣдь съ моржомъ схватились, борются. Товарищи мои хотѣли стрѣлять, да я отговорилъ. И такъ мы лежали съ полчаса на животахъ, смотрѣли.

„Медвѣдь моржа лапами за голову обхватить, шею ему на спину сломить хочетъ. А моржъ медвѣдя къ льдинѣ жметъ, да норовитъ клыками порѣзать. Выскользнетъ

моржъ изъ медвѣжьихъ лапъ, встанетъ въ водѣ, приподнимется на хвостѣ, громадный, темный, какъ каменная скала, фюкаетъ и лапами себя по бокамъ хлопаетъ. Медвѣдь на льдину вскочитъ, припадетъ на лапахъ, выжидаетъ удобнаго момента. Поятъ они такъ другъ передъ другомъ и опять въ водѣ совьются страшнымъ клубкомъ. Закрутятся: черный, бѣлый, черный, бѣлый.

„И все это молча!

„Сошлись два гиганта ледовитыхъ морей, встрѣтились случайно на льдинѣ и схватились. Знаютъ, что одинъ изъ нихъ долженъ непременно умереть. Сцѣпились, ломаютъ другъ друга, молчатъ, точно для шутки борются.

„Я вамъ скажу, страшнѣе всего было именно то, что они борются молча. Мышь, умирая, и та пищитъ на все подполье. Все живое передъ смертью стонетъ, реветъ, кричитъ, воетъ, ждетъ—кто-нибудь услышитъ, поможетъ или просто посочувствуетъ. Я однажды, слышалъ, какъ въ Таганрогѣ на набережной ревлѣ пойманный дельфинъ. Такъ ревлѣ—слушать жутко. Плавалъ въ морѣ—всю жизнь молчалъ, а къ смерти дѣло подошло—заревлѣ. Можетъ-быть, и самъ не ожидалъ, что голосъ имѣетъ. Да какъ заревлѣ! Народъ сбѣжался. Стали требовать, чтобы его въ воду отпустили. Не отпустили, конечно, ну... такъ хоть голову ему размозжить поторопились. И на томъ спасибо.

„Здѣсь, на просторѣ холоднаго океана, среди плавающихъ льдовъ, въ заколдованномъ кругѣ густого тумана, никто не услышитъ, не поможетъ, не пожалѣетъ. Здѣсь все молчитъ: земля и небо, люди и звѣри. Незачѣмъ нарушать тишину тысячелѣтій. Живи и умирай молча.

„Лежу я, смотрю и чувствую, что холодѣю. И не то, чтобы тѣломъ, а какъ-то душой холодѣю. Гляжу я на товарищей,—они тоже неприятно себя чувствуютъ. Въ нетерпѣніе пришли. Ворочаются, ружья прилаживаютъ. Говорятъ мнѣ:

„— Ну ихъ къ дьяволу, давайте застрѣлимъ.

„Я согласился. Да только видимъ, — перестали наши борцы крутиться. Медвѣдь заломалъ моржа, сѣлъ на него, пыхтитъ, грудь себѣ лижетъ. Тутъ мы опять удержались. Думаемъ, — пусть вылѣзетъ на льдину, тогда пристрѣлимъ.

„Вылѣзъ медвѣдь на льдину, началъ моржа изъ воды тащить. Вытащилъ и самъ съ нимъ рядомъ легъ, растянулся. Взялъ я винтовку. Думаю: пора. Прицѣлился, щелкнулъ—осѣчка. Патронъ отсырѣлъ.

„Щелкнулъ я, а медвѣдь лежитъ и головы не поднялъ, не шевельнулся. Мы всѣ трое диву дались. Встали на ноги. Ружья наготовѣ держимъ, разговаривать начали, шумѣть. Думаемъ—пусть встанетъ.

„Лежитъ. Подходимъ ближе, кричимъ. Лежитъ. Подошли, смотримъ,— и медвѣдь мертвый. Вытащилъ на льдину такую тушу, моржа; вѣдь, восемьдесятъ пудовъ вѣсу, и тутъ же самъ издохъ. Ободрали мы медвѣдя. Шкура цѣлая, а кости во многихъ мѣстахъ поломаны. Моржа съ собою за лодку привязали, по водѣ везли.

„Бѣхали мы съ добычей, и добыча не радовала. Льды шуршали. Наступала ночь. Холодно, мертво кругомъ и неуютно. Вспомнился свой домъ, городъ, знакомые...

„Въ тотъ вечеръ мы всѣ тосковали о людныхъ мѣстахъ, молчали, скрывали другъ отъ друга...“

Раздался звонокъ дежурнаго колокола. Капитанъ Макѣевъ надѣлъ свое кожаное кепи и вышелъ на палубу. За нимъ потянулись туда же пассажиры.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
1. Звонарь.	3
2. Два минарета.	20
3. Ударъ колокола.	40
4. Ночь.	46
5. Акулина въ Триполи	55
6. Во мракъ ночи	63
7. Сказка про новую ворону.	71
8. Узналъ - узналъ	77
9. Сказка	84
10. Ко-ко-ко	92
11. Абу-Масудъ.	104
12. Въ снѣжныхъ горахъ	115
13. Бой	125
